

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

ГРУППА АНТИТЕРРОР

Сергей МОСКВИН

АКТИВНАЯ МИШЕНЬ

Сергей Москвин

Активная мишень

«ЭКСМО»

2004

Москвин С. Л.

Активная мишень / С. Л. Москвин — «Эксмо», 2004

Дежурному МЧС позвонил неизвестный. То, о чем он сообщил, не могло быть правдой. Правда не бывает такой чудовищной. Или бывает? До конца суток правительство России должно перевести миллиард долларов в банк на Каймановых островах. В противном случае будет взорвана атомная электростанция вблизи Москвы. И это не блеф. Предупредительный взрыв произведен только что – уничтожена трансформаторная подстанция. Второй разрушит само сердце АЭС – реактор. Центр страны превратится в термоядерную пустыню. Террорист положил трубку. Время пошло... Роман издавался под названием «Воины дьявола».

© Москвин С. Л., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Часть I	5
1. ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ	5
2. БОЕВЫЕ БРАТЬЯ	18
3. ЗАЯВИТЬ О СЕБЕ	24
4. В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ	28
5. ВО ВСЕОРУЖИИ	32
Часть II	38
6. ПЕРЕГОВОРЫ	38
7. ВЫНУЖДЕННАЯ ЗАДЕРЖКА	43
8. ОПЕРАТИВНОЕ СОВЕЩАНИЕ	49
9. ОЖИДАНИЕ	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Активная мишень

Сергей Москвин

«В любое время, в любом месте, любую задачу» – девиз спецназа

Часть I

ВЗГЛЯД ВОЛЧИЦЫ

«Братья-мусульмане! Если мы сейчас не изгоним российских собак со своей территории, то можем потерять наш народ навсегда, как это случилось в других республиках, где побывали эти русские... Мы решили идти путем джихада, и перед нами два пути: или победа, или шахадат».

Из обращения «Центрального фронта освобождения» – нелегальной ваххабитской организации, существовавшей на территории Чечни и Дагестана

1. ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

Гостиница «Центральная», Грозный, 1 августа, 09.15

Гостиничный буфет, язык не поворачивался назвать его рестораном, выглядел вынырнувшим или перенесенным в современную действительность из давно ушедших в прошлое советских времен. Линейная раздача, заканчивающаяся кассой, отделяла кухню от обеденного зала. Вдоль раздачи, передвигая по ней пластиковые подносы, двигались пришедшие на завтрак немногочисленные постояльцы гостиницы, большинство из которых составляли российские и иностранные журналисты. Последних, впрочем, было явное меньшинство. За два дня своего проживания в гостинице Мадина встретила только трех иностранных корреспондентов. Судя по выговору, англичан или ирландцев: двух отпустивших смешные бородки субтильных мужчин и одну растрепанную женщину в круглых жабьих очках. Иностранцы держались вместе. Свободное время мужчины коротали в гостиничном холле, потягивая баночное импортное пиво и обмениваясь пустыми репликами. В то время как их не в меру энергичная спутница то и дело пыталась завязать знакомство со своими российскими коллегами. Как определила Мадина, наблюдая за иностранкой, ею двигал чисто профессиональный интерес. Она упорно пыталась выудить у проживающих в гостинице российских журналистов какую-нибудь сенсацию. В первый же вечер, заметив новое лицо, она пристала с расспросами к Мадине. Но та в ответ на все вопросы англичанки лишь смущенно хлопала глазами, и падкая на сенсации иностранка быстро отстала от нее, продолжив поиски более разговорчивого источника информации. Но, судя по ее недовольному лицу к концу вечера, никто из журналистов так и не рассказал ей ничего сенсационного. Мадина их хорошо понимала. Начавшаяся с ввода российских войск в 1999 году война в Чечне продолжалась, несмотря на все заверения президента, правительства и военных, обещавших в кратчайшие сроки покончить с боевиками. За годы войны население России настолько привыкло к ней, что сообщения об очередном теракте или успешной операции федеральных сил уже не будоражили сознание российского обывателя. Да

и сами журналисты уже давно не относились к своим чеченским командировкам как к возможности сделать сенсационный репортаж и воспринимали их как рискованную и опасную повинность. Предстоящие выборы главы Чеченской Республики, согласно принятой на республиканском референдуме конституции, казалось бы, должны были вновь пробудить у обывателей интерес к событиям в Чечне. Но и этого не произошло. Во всяком случае, освещением хода подготовки заявленных демократических выборов президента республики занимались лишь несколько корреспондентов федеральных информационных агентств и телеканалов, да столько же представителей СМИ из южных областей России и северокавказских республик. Телевизионная группа из Великобритании или Ирландии представляла собой редкое исключение...

Мадина прошла вдоль раздачи, поставив на свой поднос блюдце с политым сметаной творогом, тарелку с двумя ломтями бараньего окорока, сдобренного зеленью, добавив к ним половинку свежее испеченного лаваша, и две чашки кофе. Она всегда отличалась отменным аппетитом, на котором совершенно не сказывались ни душевное волнение, ни нервное напряжение. В отличие от двух своих братьев, она никогда и не была особенно эмоциональной, а уже выйдя замуж, по методике мужа научилась полностью контролировать свои эмоции. Расплатившись, Мадина прошла к свободному столику и принялась за еду. В городских кафе можно было позавтракать куда сытнее и за гораздо меньшие деньги. По этой причине большинство работающих в Грозном журналистов предпочитали завтракать, обедать и ужинать в городе. Но Мадина, появившаяся в городе лишь два дня назад, как все новички, завтракала в гостинице.

Доев до последней крошки творог, она подвинула к себе тарелку с бараниной, разорвала на две части кусок лаваша и, положив на одну из половинок кусок окорока, вонзила в копченое мясо свои ровные крепкие зубы. Еще когда она была не официальной женой, а всего лишь любовницей, Мадина со своим будущим мужем посетила немало супердорогих ресторанов Европы и Ближнего Востока, но не потеряла любви к простой и сытной пище. Как же сейчас казались призрачно далекими столики с плавающими свечами пятизвездочного ресторана в Ницце или открытая терраса не менее дорогого рыбного ресторана в Стамбуле, откуда открывался изумительный вид на манящие огни Босфора. Она лишилась всего этого в одночасье. Но не навсегда! В этом Мадина была совершенно уверена. Двери пятизвездочных ресторанов и президентских апартаментов еще распахнутся перед ней. И она еще ослепит неизменно улыбающихся почтительных портье и метрдотелей сиянием своих бриллиантов. Вновь будут сновать вокруг нее расторопные горничные и услужливые официанты, а швейцары в расшитых livреях будут подавать ей невесомые меховые манто.

Мадина с усмешкой взглянула на свою руку, на безымянном пальце которой сидело потускневшее серебряное кольцо с нашлепкой из бирюзы. Это кольцо, как и дешевый ситцевый костюм с широкой мешковатой юбкой, вызывали у нее отвращение. Но за матовой поверхностью бирюзы Мадина видела сияние десятикаратного бриллианта амстердамской огранки. А простой ситцевый костюм журналистки в ее воображении превращался в изысканный вечерний туалет светской дамы от всемирно известного кутюрье. И неважно, что сейчас она с оглядкой тратит каждый доллар. Когда она вновь соединится с мужем, у нее опять будет все. Все, к чему она привыкла. И неважно, что одни называют ее мужа богом, а другие дьяволом. Главное, что он имеет власть над людьми. А власть над людьми во все времена и повелителями, и рабами ценилась больше любых сокровищ. И Мадина как никто другой знает и понимает это. Богатство само по себе никогда не привлекало ее. Она жаждала той неограниченной власти, которой обладал ее муж. Мадина отдавала себе отчет, что в организации, которой управляет ее супруг, в силу исламского менталитета, ей никогда не занять высокого положения, но она упорно к этому стремилась и в конце концов переломила укоренившееся мнение о роли супруги. Рядовые члены не признали ее равной своим лидерам. Но она стала глашатаем воли одного из них. От имени мужа Мадина могла отдать его последователям любой приказ, зная, что те беспрекословно выполняют его. И пока ее муж оставался во главе организации, она могла

повелевать его людьми. Правда, сейчас он лишен этой возможности. Но как только он окажется на свободе, то, вопреки козням своих многочисленных врагов, вновь объединит вокруг себя тысячи преданных сторонников. И тогда все станет по-прежнему. Только она уже не будет просто супругой вождя, она станет ближайшим соратником, добывшим ему свободу.

Отправив в рот последний кусок окорока, Мадина выпила кофе и встала из-за столика. До начала пресс-конференции оставалось чуть более часа, и нужно было спешить. Из буфета Мадина вернулась в свой гостиничный номер. Заранее собранная сумка лежала на письменном столе. Она повесила сумку на плечо и, прежде чем выйти из номера, еще раз осмотрела его. Небрежно брошенный на кровать журнал, оставленный на тумбочке ежедневник с вложенной в него авторучкой, внутри тумбочки несколько флаконов дешевой косметики, в шкафу плащ и чемодан с бельем, а в ванной комнате мыльница с куском мыла, паста и зубная щетка – все то, что оставляет живущая в гостинице женщина, когда собирается туда еще вернуться. Убедившись, что все вещи находятся на своих обычных местах, Мадина покинула номер.

Когда она спустилась в холл, там уже толклись в ожидании автобуса собравшиеся на пресс-конференцию журналисты. Со стороны входных дверей на них с интересом взирали трое охраняющих вход в гостиницу постовых милиционеров. Практически все проживающие в гостинице журналисты, за исключением Мадины, успели взять у них интервью. Милиционеры откровенно разглядывали приглянувшихся им журналисток. Они просто не могли пропустить появление молодой статной брюнетки с плотно уложенными на затылке волосами, открывающими ее точеную шею. И едва Мадина вышла в холл, взгляды всех трех постовых тут же переключились на нее. Их внимание Мадину совершенно не волновало. Куда больше ее занимали возможные расспросы коллег, поэтому, чтобы избежать разговоров с ними, Мадина поспешно извлекла из своей сумки пухлый органайзер и сделала вид, что сосредоточенно читает сделанную ранее запись.

Заказанный администрацией Чечни автобус подъехал ко входу в гостиницу через несколько минут. В гостиничный холл в сопровождении двух военных вошел хорошо знакомый журналистам руководитель пресс-службы чеченского правительства и предложил всем направляющимся на пресс-конференцию проследовать в автобус. Мадина спрятала органайзер обратно в сумку и вместе с остальными журналистами направилась к выходу. Руководитель пресс-службы и сопровождавшие его военные вернулись в подъехавший вместе с автобусом армейский «УАЗ», и автоколонна, которую замыкал БТР с расположившимися на его броне автоматчиками, двинулась к комплексу зданий республиканской администрации.

Сопровождавший колонну бронетранспортер остался на блокпосту, и к зданию пресс-центра проследовали только «УАЗ» с представителями военной и гражданской администрации и автобус с журналистами. Здесь уже стояли несколько машин телевизионных бригад, которые, пользуясь наличием собственного автотранспорта, подъехали раньше, чтобы заранее и без всякой спешки установить в зале осветительную и съемочную аппаратуру. Распорядившись, чтобы и остальные журналисты тоже проходили в зал, руководитель пресс-службы сразу куда-то исчез, очевидно, чтобы дать последние распоряжения относительно предстоящей пресс-конференции.

Мадина с сумкой на плече вышла из автобуса и направилась к трехэтажному зданию пресс-центра. Кто-то из руководителей контртеррористической операции посчитал, что если разместить все службы республиканской администрации в отдельных зданиях, то это снизит общее число жертв в случае возможных терактов. Мадина к этому мнению относилась весьма скептически, но оспаривать его не собиралась.

Перед входом в пресс-центр стояли два милиционера из недавно созданной чеченской милиции. Наверное, по замыслу командования, они должны были выискивать возможных террористов, но, как определила Мадина, они, как и их коллеги в гостинице, просто разглядывали симпатичных женщин.

И без того тесный холл пресс-центра перегораживал ряд письменных столов, поставленных в торец к друг другу. Между столами были оставлены два узких прохода, через которые можно было протиснуться лишь по одному. У проходов дежурили еще четверо милиционеров в отвратительной Мадине серой мышьиной форме. Прежде чем миновать холл, журналисты по очереди показывали милиционерам содержимое своих кофров и сумок, и те начинали копаться в них. «Тупые необразованные парни, безумно счастливые оттого, что им удалось наняться на эту работу, и сейчас упивающиеся своей властью, которую они не заслужили, а всего лишь получили в придачу к казенной мышьиной форме», – с неприязнью думала Мадина о чеченских милиционерах. Когда подошла ее очередь, она тоже сняла с плеча сумку и положила ее на стол перед ближайшим стражем. Тот запустил внутрь сумки руки, вынул оттуда органайзер, который Мадина листала в гостиничном холле, небрежно перелистал страницы и засунул обратно. Затем на свет появились распечатанная пачка сигарет, зажигалка, блокнот меньшего формата, пара шариковых авторучек и диктофон с микрокассетой. Все это милиционер запихнул обратно в сумку и возвратил ее Мадине:

– Можете проходить.

Но по другую сторону импровизированного барьера ей заступил дорогу мужчина, уже не чеченец, а славянин, в темном костюме, с оперативной подмышечной кобурой под пиджаком.

– Пожалуйста, вашу аккредитацию, – обратился он к журналистке.

Мадина извлекла из кармашка сумки аккредитационную карточку и протянула ее очередному стражу. Он быстро, но достаточно внимательно рассмотрел карточку, являющуюся одновременно пропуском в пресс-центр, не забыв сличить фотографию, после чего взял в руки портативный металлодетектор и провел им вдоль туловища журналистки. Мадина усмехнулась: «Значит, российские спецслужбы не так уж доверяют недавно сформированной чеченской милиции, раз их офицеры сами осуществляют проверку».

– Можете проходить, – объявил ей мужчина с металлодетектором и шагнул к другому журналисту.

Все с той же ехидной усмешкой Мадина вошла в зал. Центральные места в первых рядах уже были заняты, и Мадина опустилась на одно из крайних сидений во втором ряду. Со своего места она видела сцену под углом, зато оно находилось ближе к выходу. На сцене стоял стол для заседаний, на котором более расторопные журналисты с теле- и радиоканалов уже установили свои микрофоны. Между сценой и первым рядом кресел телевизионные операторы поставили свои камеры и сейчас то и дело примерялись к ним. Никакой охраны в зале не было. Очевидно, организаторы пресс-конференции удовлетворились проверкой аккредитации и обыском приглашенных журналистов.

Постепенно все ехавшие вместе с Модиной журналисты заняли места в зрительном зале, но организаторы встречи все чего-то медлили. Мадине страшно хотелось курить, но она сдерживала себя. Но вот наконец перед журналистами вновь появился руководитель пресс-службы правительства Чечни. Следом за ним из той же боковой двери вышел молодой широкоплечий мужчина. Мадина сразу узнала его. Именно он обыскивал ее в холле пресс-центра с помощью металлодетектора. Сейчас в его руках уже не было этого прибора, но оперативная кобура с пистолетом осталась при нем, о чем наглядно свидетельствовал слегка оттопыривающийся пиджак с левой стороны груди. Еще двое сотрудников российской службы охраны вошли в зал из холла и встали у дверей обоих выходов. И лишь затем в зале появилась охраняемая ими персона. Зампредседателя Центральной избирательной комиссии России вышел из той же боковой двери, откуда за несколько секунд до него появились руководитель пресс-службы чеченского правительства и один из охранников. Совершающего поездку по Чечне заместителя Председателя ЦИК на пресс-конференцию сопровождали председатель избиркома Чечни и еще двое незнакомых Мадине чиновников чеченского правительства. Все четверо вслед за

руководителем пресс-службы поднялись на сцену и расселись за столом для заседаний, а оставшийся стоять руководитель пресс-службы обратился к собравшимся в зале журналистам:

– Уважаемые коллеги...

Мадина усмехнулась, услышав столь демократичное обращение из его уст, но сейчас же изобразила на своем лице пристальное внимание. А руководитель пресс-службы тем временем продолжал:

– Мы начинаем пресс-конференцию по итогам посещения заместителем Председателя Центральной избирательной комиссии России Ильей Алексеевичем Загайновым нашей республики, в процессе которого он ознакомился с ходом подготовки к выборам президента Чечни. Слово Илье Алексеевичу.

Руководитель пресс-службы подобострастно кивнул в сторону зампреда ЦИК и занял предназначенное ему свободное место за выставленным на сцену столом. В зрительном зале операторы прильнули к окулярам своих телекамер, защелкали затворы фотоаппаратов, остальные журналисты вооружились авторучками и диктофонами. Мадина тоже достала из сумки диктофон и, включив его, направила на сцену. Загайнов говорил долго и быстро, в чем, безусловно, старался подражать своему начальнику, причем не столько о ходе подготовки к предстоящим выборам, сколько о нормализации обстановки в Чечне, чему, по его словам, он стал свидетелем. Он охотно позировал теле- и фотокамерам, принимая те или иные выразительные позы, которые, очевидно, должны были убедить журналистов в искренности его слов. Мадина не особенно вслушивалась в его речь, предоставив записывать ее диктофону. После спецпредставителя ЦИК перед журналистами выступил председатель местной избирательной комиссии. Его выступление целиком было посвящено ходу подготовки выборной кампании, но было озвучено таким сухим и канцелярским языком, что большинство журналистов, как заметила Мадина, откровенно заскучали. Тем не менее руководитель пресс-службы поблагодарил обоих ораторов за интересные и содержательные выступления и, вновь обратившись к журналистам, сказал:

– А сейчас прошу ваши вопросы.

Над первыми рядами зрительного зала, где расположились журналисты, взметнулись несколько рук, но руководитель пресс-службы, безошибочно выбрав, предоставил право задать первые вопросы корреспондентам федеральных СМИ. Мадина неприязненно скривилась: «Насколько же они все жалки в своем заискивании перед Москвой».

– ОРТ, Первый канал...

– Радио России...

– Газета «Известия»...

– Канал НТВ...

– «Независимая газета»...

– Государственная телерадиокомпания Чечни...

Прозвучавшее название подсказало Мадине, что очередь задавать свои вопросы наконец дошла и до корреспондентов региональных информационных агентств. Ее очередь! Зампреда ЦИК, местные чиновники и, главное, охрана должны ее запомнить, поэтому она обязана задать свой вопрос, а лучше два. Интересно, нашли ли уже Оксану? Скорее всего, нет. Но если и да, это ее не остановит. Мадина подняла руку, и когда на нее обратил внимание ведущий пресс-конференцию руководитель пресс-службы, решительно встала с кресла.

– Газета «Вестник Ставрополя», – представилась она и, обратившись к Загайнову, спросила: – Илья Алексеевич, можно ли надеяться, что после выборов президента республики в Чечне наконец восторжествуют спокойствие и правопорядок?

Вопрос явно пришелся Загайнову по вкусу, потому что он тут же выдал длинную тираду, которую закончил словами:

– Выборы – это возможность волеизъявления, данная всему народу Чечни. Поэтому они, безусловно, будут способствовать утверждению законности и правопорядка!

Удовлетворенная Мадина села на свое место. Во время ответа Загайнова она стояла перед ним, а он все это время смотрел на нее и, конечно же, запомнил ее, не мог не запомнить. Значит, не удивится и не прикажет охране прогнать ее, если она подойдет к нему после пресс-конференции. Почувствовав, что пресс-конференция подходит к концу, Мадина на всякий случай вновь подняла руку, но руководитель пресс-службы, следящий за регламентом встречи с журналистами, остановил ее:

– Товарищи журналисты, у Ильи Алексеевича очень плотный график, поэтому остальные вопросы вы сможете задать ему в другой раз.

– У нас еще будет повод пообщаться, – добавил от себя Загайнов и, встав из-за стола, направился к выходу.

Он вновь скрылся в боковой двери, откуда вошел в зрительный зал, а все три охранника, до этого контролировавшие выходы из зала, сейчас же последовали за ним. Журналисты тоже поднялись со своих мест. Теле- и звукооператоры принялись разбирать установленную в зале аппаратуру и сматывать шнуры и кабели, а Мадина поспешно сунула в сумку свой диктофон и одна из первых вышла из зрительного зала. Чеченские милиционеры все так же дежурили в холле пресс-центра, но на выходящих после пресс-конференции журналистов уже не обращали внимания. Никем не остановленная Мадина беспрепятственно покинула пресс-центр и оказалась на улице. Автобус, на котором добирались проживающие в гостинице журналисты, стоял на прежнем месте, но Мадину он не интересовал. Она обогнула здание и подошла к дверям служебного входа. Напротив дверей стоял внедорожник «Тойота-Лэндкрузер» и две черные «Волги». Чуть в стороне от них приткнулся грязно-желтый микроавтобус с буквами «TV» на борту. Мадина удовлетворенно перевела дыхание: ее помощники уже на месте. К немалому удивлению Мадины, вслед за ней к служебному входу пресс-центра стали подходить и другие журналисты, побывавшие на пресс-конференции, в основном фотокорреспонденты, которые, видимо, хотели сделать снимки и на улице. Трое вооруженных автоматами омовцев в камуфляже, кутивших в отдалении, обернулись на звук шагов и голоса, но, узнав в подошедших журналистов, продолжили свое занятие.

Почувствовав прикосновение к своему локтю, Мадина обернулась и увидела Руслана. Он заметно нервничал, хотя и старался это скрыть. Мадина приняла от Руслана пухлую кожаную папку, которую тут же сунула в свою расстегнутую сумку, и одобряюще улыбнулась ему. Она знала, что нравится Руслану. В первую их встречу он так и пожирал ее глазами. А ведь она старше его, как минимум, лет на десять, но по-прежнему хороша собой, раз вызвала неумное желание у двадцатилетнего мальчишки. В ответ на обещающий взгляд Мадины Руслан тоже расплылся в довольной улыбке и даже попытался перехватить ее пальцы, когда она прятала папку в сумку. Но Мадина шлепнула его по руке и указала взглядом в сторону микроавтобуса. Руслан вздохнул и направился обратно к машине. Мадина проводила его взглядом. Наивный мальчишка, хотя по местным меркам уже вполне взрослый мужчина. Раз может держать в руках оружие, значит, мужчина. А большего от него и не требуется.

Журналисты и фотокорреспонденты вокруг нее заметно оживились. Омовцы выбросили свои окурки. Первым на улицу вышел один из охранников Загайнова. Следом за ним в дверях служебного входа показались сам зампреда ЦИК и руководитель пресс-службы чеченского правительства, о чем-то переговаривающиеся между собой. За их спинами Мадина увидела еще двух охранников, ощупывающих настороженными взглядами собравшихся на улице журналистов. Но вокруг были только знакомые лица, и это в какой-то мере успокоило охранников. Старший бригады охраны попытался с ходу усадить Загайнова в машину, но это у него не получилось. Зампреда Центризбиркома остановился у входа, охотно подставляя свое лицо объективам фотоаппаратов, да еще руководитель пресс-службы задерживал его

своим разговором. Воспользовавшись моментом, Мадина опустила правую руку внутрь висящей на плече сумки и решительно направилась к Загайнову. Она ловко расстегнула «молнию» на полученной от Руслана папке и просунула между ее корками свою узкую ладонь.

– Осторожнее! – возмутился один из фотокорреспондентов, которого она ткнула в бок своим острым локтем, прокладывая себе дорогу.

Но Мадина даже не обернулась на его возмущенный возглас.

– Илья Алексеевич! – изобразила она на своем лице располагающую улыбку.

Загайнов узнал ее и поощрительно кивнул, предлагая симпатичной журналистке задать свой очередной вопрос. Правда, начальник его охраны не попал под ее очарование и решительно загородил Мадине дорогу. Но в двух шагах от цели это уже не имело значения. Продолжая улыбаться, Мадина молниеносно выдернула руку из своей сумки и ткнула ствол зажатого в ней пистолета в живот старшего охранника.

– Ба-бах! – оглушительно грохнул советский «ТТ», пролежавший полвека на грузинских армейских складах.

Несмотря на мощную отдачу, Мадина мгновенно развернула оружие в сторону второго охранника и снова нажала на спуск.

– Ба-бах!

И уже второй охранник опрокинулся на спину, так и не донеся руку до расплывающегося на его груди кровавого пятна.

Прыснули во все стороны собравшиеся на площади журналисты. Упал на колени, пытаясь прикрыться от пуль кожаной папкой, руководитель пресс-службы чеченского правительства. Нырнули за приборные панели сидящие в машинах шоферы. И только Мадина и третий охранник действовали сноровисто и четко. Охранник выхватил из подмышечной кобуры двенадцатизарядный «ПММ» и навел его на террористку. Но Мадина, сбросив с плеча мешающую ей сумку, метнулась к впадшему в ступор заместителю Председателя Центризбиркома и, прижав его к себе свободной рукой, прикрылась его телом. Охранник все-таки выстрелил в нее, но, опасаясь задеть охраняемую персону, промахнулся. В этот момент с угла площади ударил автомат Руслана. Он стрелял в бегущих к зданию пресс-центра омовцев, но под пули попали разбегающиеся по площади журналисты. К грохоту выстрелов добавились истошные крики раненых. Охранник Загайнова лишь на мгновение отвлекся на автоматную стрельбу, но Мадина не упустила этот момент. Выглянув из-за спины зампреда ЦИК, она ответила ему двумя выстрелами. Один из них оказался точен. До этого ловко перемещающийся по площади охранник споткнулся и упал на простреленную ногу. И Мадина, сейчас же поймав на прицел его голову, третью пулю всадила ему в висок. Мадина торжествующе улыбнулась: главные противники мертвы, Руслан остановил омовцев, теперь никто не помешает ей добраться до микроавтобуса.

– Пуф-всш! – донесся приглушенный хлопок с крыши пресс-центра, и автомат Руслана сейчас же захлебнулся.

Мадина вскинула голову вверх и увидела торчащий с крыши здания ствол снайперской винтовки «ВСС», а над ним закрытую трикотажной маской голову снайпера. Она пригнулась и, ухватив заложника левой рукой за брючный ремень, ткнула ствол пистолета ему в пах.

– Живо за мной! – грозно приказала она заместителю Председателя Центризбиркома. – Замешкаешься, пристрелю!

Вновь прикрывшись телом парализованного болью и страхом заложника, она бросилась к стоящему невдалеке микроавтобусу. Бросив на бегу взгляд в сторону Руслана, Мадина увидела, что он лежит на асфальте, все его лицо в крови. Даже мертвый Руслан продолжал смотреть на нее влюбленными глазами.

Залегшие было омовцы тоже заметили, что их противник убит, и, вскочив на ноги, бросились наперерез Мадине. Не останавливаясь, она дважды выстрелила в бегущих к ней бойцов,

с удовлетворением отметив, что один из них, налетев грудью на ее пулю, споткнулся на бегу и снова рухнул на землю. В этот момент из люка в крыше микроавтобуса в сторону омоновцев вылетела ручная граната, а затем оттуда вынырнул и сам Юсуп с автоматом в руках. За спиной Мадина оглушительно грохнул мощный взрыв. Спасаящиеся от разлетающихся осколков милиционеры вновь попадали на землю. Мадина же со своим пленником лишь еще быстрее устремилась к микроавтобусу. Юсуп предусмотрительно распахнул перед ней боковую дверь. Мадина кошкой прыгнула внутрь, а затем вместе с Юсупом втянула в машину упирающегося пленника. Сидящий за рулем Беслан сейчас же отпустил сцепление, и микроавтобус рванулся с места. Из дверей служебного входа на площадь вылетели несколько чеченских милиционеров, но они уже не могли остановить несущуюся машину. Мадина, пока Юсуп закрывал сдвижную дверь, выпустила в них последние патроны из своего «ТТ», швырнула на пол бесполезный пистолет и тут же схватила с сиденья приготовленный для нее автомат. Но Юсуп уже захлопнул дверь, и Мадина с автоматом в руках плюхнулась на сиденье рядом с Загайновым.

– Будешь делать, что я скажу, останешься жив, – сообщила она заместителю Председателя Центризбиркома, даже не взглянув в его сторону.

– Впереди блокпост, – обеспокоенно прошептал с водительского места Беслан.

Мадина мгновенно вскочила с сиденья и развернулась к нему:

– Ты же должен был свернуть!

– Я и свернул! – с раздражением ответил ей Беслан. – Кто ж знал, что они из-за приезда этого, – он дернул головой в сторону забившегося в угол машины перепуганного пленника, – и на этой улице свой пост поставят.

– БТР или другие бронемашин у них есть? – переходя на деловой тон, поинтересовалась Мадина.

– Вроде нет, – не очень уверенно произнес Беслан.

– Будем прорываться! – приняла решение Мадина. – Гранаты еще остались? – обратилась она к Юсупу и после его утвердительного кивка приказала: – Приоткрой дверь, чтобы можно было швырнуть гранату, и бросай по моей команде!

Отдав распоряжения Юсупу, Мадина вместе с автоматом перебралась в кабину микроавтобуса и уселась на пассажирское сиденье. Улицу впереди перегораживали бетонные блоки, за исключением оставленного узкого проезда для одной машины, который закрывал опущенный шлагбаум. За бетонными блоками скрывался установленный на треноге станковый пулемет. Возле пулемета дежурил солдат в камуфляжной форме. Еще трое стояли у опущенного шлагбаума. Мадина чуть оттянула затвор и, убедившись в наличии патрона в патроннике, приказала Беслану:

– Жми на газ!

– Там же шлагбаум, – попробовал возразить боевик.

– Тарань! – теряя терпение, выкрикнула Мадина и, чтобы подстегнуть Беслана, направила на пулеметчика ствол автомата и нажала на спуск.

– Та-та-та-та!!! – ударил по барабанным перепонкам Беслана грохот автоматной очереди, а все пространство кабины заполнилось едкой пороховой гарью.

Беслан поспешно нажал на акселератор, и микроавтобус, словно прищипоренный конь, рванулся вперед. Лобовое стекло покрылось паутиной трещин, а когда микроавтобус на полном ходу врезался в шлагбаум, разлетелось на осколки. В проем выбитого стекла Мадина увидела, как повис на бетонном бруствере сраженный ею пулеметчик и как остальные солдаты, сорвав с плеч автоматы, беспорядочно стреляют им вслед.

– Юсуп, гранату! – что есть силы крикнула она, ныряя под приборную панель.

Протаранив шлагбаум, микроавтобус вылетел за ограждение, но при этом его ощутимо повело в сторону. Подняв глаза, Мадина увидела, что Беслан навалился грудью на руль и, бросив баранку, пытается зажать руками рану в боку. Выглянув из-за приборной панели, она пере-

хватила рукой свободно вращающийся руль и выровняла движение машины. В этот момент позади микроавтобуса разорвалась брошенная Юсупом граната, оборвав стрельбу российских солдат. Мадина проворно выбралась из-под приборной панели и приказала Беслану:

– Перебирайся назад, а я поведу машину!

Морщась от боли, Беслан выполз с водительского места и, перевалившись через передний ряд сидений, упал в руки Юсупа. Что происходило сзади, Мадина уже не видела. Прыгнув на водительское сиденье, она тут же утопила в пол педаль газа, и начавший было притормаживать микроавтобус вновь рванулся вперед. Со стороны российского блокпоста больше не стреляли, и за спиной Мадина раздавались только стоны раненого Беслана, которому Юсуп, очевидно, пытался перевязать рану. Прислушавшись, Мадина с ужасом для себя обнаружила, что за этими стонами не слышит захваченного заложника. Если его убила шальная пуля, то весь ее план рухнул! Не отрывая взгляда от несущейся навстречу дороги, она встревоженно спросила:

– Юсуп! Что с русским?!

– А что ему сделается, – недовольно пробурчал Юсуп. – Забился в угол и бельма пялит. А вот Беслана здорово зацепило. Боюсь, сам не дойдет.

У Мадина отлегло от сердца. Зампред Центризбиркома жив! Значит, с российскими властями можно торговаться! Еще несколько километров, и они будут в относительной безопасности. Во всяком случае, российским спецслужбам станет гораздо труднее выследить их. Маршрут Мадина знала прекрасно. При подготовке к операции она вместе с Бесланом дважды прошла по нему. В конце этого квартала поворот направо. Доехав до перекрестка, Мадина вывернула руль в правую сторону, и микроавтобус, перепугав двух переходящих улицу пожилых чеченок, пронесся мимо. Еще два квартала прямо и, не доезжая третьего перекрестка, налево, мимо разрушенного взрывом здания. Подпрыгивая на обломках кирпича и застывшего раствора, микроавтобус пронесся мимо руин рабочего общежития и вылетел к бывшему трамвайному депо. Мадина въехала в снесенные взрывом ворота, обогнула сброшенный с рельсов обгорелый остов трамвайного вагона и резко затормозила возле одного из ангаров.

– Ты что?! – сейчас же раздался сзади возмущенный голос Юсупа. – Я же тебе говорил про Беслана: с такой раной ему не пройти по подземельям. Надо вывезти его из города!

Забрав из кабины свой автомат, Мадина ловко перебралась в грузопассажирский отсек и склонилась над лежащим на полу Бесланом.

– Тебе правда так тяжело? – участливо спросила она.

– Ага, – поморщившись, произнес Беслан.

– Значит, не сможешь идти?

На этот раз вместо ответа Беслан просто покачал головой.

– А я тебе что говорил! – раздраженно воскликнул Юсуп. – Полезай в кабину и вывези нас отсю...

– Тах!!!

Не дав Юсупу договорить, Мадина опустила автомат и, направив его в грудь Беслану, нажала на спуск. Нижняя челюсть Беслана отвалилась и осталась в таком положении, а на перекошенном от ужаса лице отпечатались гримасы недоумения.

– Ты что наделала, женщина?! – вскрикнул Юсуп и нагнулся к своему автомату, но застыл на месте, увидев направленный ему в лицо автомат Мадина.

– Ты же сам сказал, что он не сможет идти, – совершенно спокойно ответила она. – А кроме как по подвалам и подземным туннелям нам из города не выбраться. Беслан связывал нас. И это не я, а русские солдаты убили Беслана, когда подстрелили его, сделав беспомощным. Кстати, после смерти Руслана и Беслана их доля отходит к тебе, – добавила она и спросила: – Ты все понял? – Юсуп кивнул. – Что ты понял?

– Это русские солдаты убили Беслана, – повторил Юсуп услышанные от нее слова.

– Отлично. Забирай оружие и идем. Нам предстоит долгий путь.

На всякий случай не сводя настороженных глаз с Юсупа, Мадина шагнула к забившемуся в угол заложнику и рывком подняла его на ноги. Юсуп тем временем поднял с пола свой автомат и рассовал по карманам армейского разгрузочного жилета оставшиеся гранаты.

– Ты пойдешь первым, а мы за тобой! – объявила ему Мадина, подталкивая к выходу насмерть перепуганного зампреда ЦИК.

Юсуп распахнул боковую дверь и, выставив перед собой автомат, выпрыгнул из машины. Следом за ним из микроавтобуса выбралась и Мадина с заложником. Через разбитое окно похитители, вместе с жертвой, пробрались в трамвайный ангар. Пока в Грозном не прекратилось трамвайное движение и депо еще работало, здесь мыли трамвайные вагоны. Для стока воды служила закрытая решетками бетонная траншея, выходящая в систему каналов городской канализации. Об использовании уцелевших канализационных тоннелей для скрытного передвижения по контролируемому российскими войсками городу Мадина знала не понаслышке. Поэтому, когда Юсуп снял решетку водостока, она столкнула в открывшийся люк заложника и следом за ним решительно нырнула в канализационный коллектор.

* * *

*Директору Федеральной службы безопасности
Российской Федерации
генерал-полковнику Постникову*

Сегодня, 1 августа, в 11 часов 04 минуты группой чеченских боевиков в Грозном был похищен заместитель Председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Загайнов Илья Алексеевич, совершающий рабочую поездку по Чеченской Республике. Похищение произошло сразу после пресс-конференции, которую по инициативе Загайнова И.А. организовало правительство Чечни для российских и зарубежных журналистов, в момент выхода Загайнова из здания пресс-центра. При этом боевиками были убиты три сотрудника Федеральной службы охраны, пытавшихся защитить заместителя Председателя Центризбиркома, и двое журналистов, присутствовавших на пресс-конференции. Еще двое журналистов и три работника внутренних дел, в числе которых двое сотрудников чеченской милиции, получили ранения разной степени тяжести. В результате боя, завязавшегося у здания пресс-центра, один из нападавших боевиков был убит, но остальным вместе с захваченным заложником удалось скрыться на автомобиле «Фольксваген-Транспортер» желтого цвета. При прорыве через оцепление комплекса правительственных зданий администрации Чеченской Республики скрывающимися боевиками был обстрелян блокпост федеральных сил. В результате обстрела один из военнослужащих погиб. В связи с отсутствием на блокпосту бронетехники и автотранспорта дежурной смене не удалось организовать преследование микроавтобуса с прорвавшимися через оцепление боевиками.

В Грозном и его окрестностях силами МВД, ФСБ и внутренних войск начат широкомасштабный розыск преступников и похищенного ими заложника. Однако по состоянию на 13.00 проводимые оперативно-поисковые мероприятия результатов не дали.

*Начальник временного управления ФСБ
Чеченской Республики
полковник Афанасьев.*

*Начальнику временного управления ФСБ
Чеченской Республики
полковнику Афанасьеву*

Безусловное наличие у террористов четкого плана похищения с постановкой конкретных задач каждому члену преступной группы, слаженность их действий, высочайший уровень огневой подготовки, продемонстрированной участницей и возможной руководительницей преступной группы, застрелившей в ходе перестрелки трех специально подготовленных к отражению внезапных нападений офицеров Федеральной службы охраны, свидетельствует, что нападение на пресс-центр правительства Чечни и захват заместителя Председателя ЦИК совершили боевики, получившие диверсионно-террористическую подготовку в лагерях международных террористических организаций. В связи с чем работающая по делу следственная группа ориентирована на скорейшее выяснение личности убитого при нападении на пресс-центр боевика, его сообщников (прежде всего женщины-террористки) и их связей с главарями чеченских и исламских террористических организаций.

Начальник следственного отдела УФСБ
Чеченской Республики
подполковник Каменев.

Начальнику временного управления ФСБ
Чеченской Республики
полковнику Афанасьеву

В 14.26 при осмотре территории трамвайного депо в Индустриальном районе Грозного, проводившемся в рамках оперативного плана «Перехват», силами оперативно-поисковой группы УВД обнаружен микроавтобус марки «Фольксваген-Транспортер» желтого цвета с надписью «TV» на борту, использованный террористами при нападении на здание пресс-центра правительства Чеченской Республики. В кузове микроавтобуса имеются многочисленные пулевые пробоины, полученные в перестрелке с патрульно-постовым нарядом федеральных сил в момент прорыва террористов через блокпост в центральной части Грозного. В грузопассажирском отсеке микроавтобуса находился труп одного из террористов, который в перестрелке с нарядом блокпоста получил проникающее огнестрельное ранение и из-за невозможности самостоятельно передвигаться впоследствии был убит своими сообщниками выстрелом в сердце. Погибшему боевику на вид тридцать – тридцать пять лет, никаких документов при нем не обнаружено. Помимо трупа боевика в кузове микроавтобуса найдено большое количество гильз от автоматического оружия, калибра 5,45 мм, а также использованный пистолет «ТТ» с пустым магазином. Эти находки позволяют сделать вывод, что остальные участники нападения на пресс-центр чеченского правительства, в количестве от двух до трех человек, вместе с захваченным заложником скрываются где-то на территории трамвайного депо или в подвалах расположенных поблизости зданий. В настоящее время в район трамвайного депо Индустриального района Грозного перебрасываются дополнительные силы для оцепления и осмотра территории, на которой могут скрываться захватившие заложника террористы.

Начальник временного УВД г. Грозный
полковник Родионов.

Начальнику временного управления ФСБ
Чеченской Республики
полковнику Афанасьеву

Как установлено опросом свидетелей, террористка, участвовавшая в похищении заместителя Председателя Центральной избирательной комиссии Загайнова И.А. и застрелившая трех сотрудников Федеральной службы охраны, проникла на пресс-конференцию, предъявив на входе в пресс-центр аккредитационный пропуск на имя корреспондента газеты «Вестник Ставрополя» Оксаны Барышевой. По словам главного редактора газеты «Вестник

Ставрополя», Оксана Барышева в качестве специального корреспондента газеты действительно была командирована в Чечню 29 июля, но после аккредитации в пресс-службе правительства Чечни, о чем Барышева сообщила по телефону, в редакцию от нее не поступало никаких известий. Главному редактору дано указание выслать фототелеграфом фотографию Оксаны Барышевой в адрес временного управления ФСБ Чеченской Республики. Полученное в ходе телефонного разговора словесное описание Барышевой не соответствует описанию внешности террористки, участвовавшей в похищении зампреда Центризбиркома Загайнова И.А., что позволяет сделать вывод об использовании террористами документов Барышевой. На диктофоне и поверхности сумки, брошенной террористкой на месте преступления, а также в номере гостиницы «Центральная», где она проживала под именем Оксаны Барышевой, обнаружены многочисленные отпечатки ее пальцев, что позволяет надеяться на скорое установление личности террористки.

Начальник следственного отдела УФСБ
Чеченской Республики
подполковник Каменев.

Начальнику временного управления ФСБ
Чеченской Республики
полковнику Афанасьеву

Спустя 20 минут после начавшегося в 15.00 осмотра территории трамвайного депо бойцом-кинологом поисковой группы была обнаружена самодельная мина-растяжка, установленная в канализационном коллекторе. При невозможности разминировать мину, поставленную на неизвлекаемость, руководителем поисковой операции было принято решение подорвать ее на месте. В результате проведенного саперами подрыва обнаруженной мины обрушился свод канализационного коллектора. Образовавшийся при этом завал сделал невозможным преследование террористов, скрывшихся в канализационном тоннеле. Дальнейший их розыск крайне затруднен из-за отсутствия у оперативно-поисковых групп плана городских подземных коммуникаций, используемых для передвижения террористами.

Начальник временного УВД г. Грозный
полковник Родионов.

Начальнику временного управления ФСБ
Чеченской Республики
полковнику Афанасьеву

Дактилоскопической экспертизой установлено: отпечатки пальцев в гостиничном номере, снятом по документам Оксаны Барышевой, а также на диктофоне и поверхности женской сумки, брошенных террористами на месте похищения зампреда Центризбиркома, идентичны отпечаткам на рукоятке и затворе пистолета «ТТ», из которого были застрелены сотрудники Федеральной службы охраны, и принадлежат чеченской террористке Фатиме Хундамовой, 1971 года рождения, активно разыскиваемой органами ФСБ и МВД РФ за преступления, совершенные в период военной кампании в Чечне 1994–1996 годов. Федеральный розыск Фатимы Хундамовой, объявленный в сентябре 1999 года, был прекращен в марте 2000 года в связи с (ошибочно установленной) смертью подозреваемой.

Начальник следственного отдела УФСБ
Чеченской Республики
подполковник Каменев.

Директору Федеральной службы безопасности
Российской Федерации

генерал-полковнику Постникову

По состоянию на 22.00 проводимые в Грозном и его окрестностях поисковые мероприятия и оперативно-следственные действия дали следующие результаты.

1. В Индустриальном районе Грозного обнаружен микроавтобус, на котором террористы вывезли захваченного ими заместителя Председателя Центризбиркома РФ Загайнова И.А.

2. 3. В микроавтобусе находился труп одного из террористов, участвовавших в нападении на здание пресс-центра Чечни и похищении Загайнова И.А. Этот террорист застрелен сообщниками, после того как он получил тяжелое ранение в перестрелке с бойцами федеральных сил. Личности обоих погибших боевиков в настоящее время устанавливаются.

4. 5. Установлена личность одной из активных участниц похищения, а возможно и руководителя террористической группы, застрелившей трех сотрудников ФСО. Ею оказалась чеченская террористка Фатима Хундамова, активно разыскиваемая российскими спецслужбами в период контртеррористических операций в Чечне 1994–1996 и 1999–2000 годов и считавшаяся погибшей с марта 2000 года.

6. 7. Бросив микроавтобус, Хундамова вместе с остальными участниками похищения и удерживаемым ими в качестве заложника Загайновым скрылись в подземных коммуникациях Грозного.

8. Предположительно, с наступлением ночи террористы попытаются переправить Загайнова из Грозного на одну из своих опорных баз в горной части Чечни. Всем участникам оперативно-поисковых мероприятий командованием федеральных сил поставлена задача максимально активизировать поиск. Однако продолжающийся в городе розыск террористов и их заложника крайне затруднен наступлением темного времени суток и отсутствием у федеральных сил схемы городских подземных коммуникаций, которыми пользуются боевики.

Начальник временного управления ФСБ

Чеченской Республики

полковник Афанасьев.

2. БОЕВЫЕ БРАТЬЯ

*Село Гехи, Урус-Мартановский район,
60 км юго-западнее Грозного, 2 августа, 02.50*

Распахнув дверь, Мадина ворвалась в комнату, где за низким столом с остатками затянувшегося ужина расположились хозяин дома, недавний помощник Мадины Юсуп и бригадный генерал Хамид Ахмадов с двумя своими телохранителями. Столовая, в которой связанный с ичкерийскими партизанами сельчанин принимал Хамида и его людей, размещалась в мужской части дома, и по мусульманским обычаям вход туда женщинам был строго запрещен. Но правой рукой Мадина привычно сжимала пистолетную рукоятку своего автомата. А сидящие за столом мужчины, за исключением разве что хозяина дома, отлично знали, что ворвавшаяся в комнату женщина отлично владеет этим оружием и за считанные секунды сможет убить всех находящихся за столом, поэтому ни у кого из них не возникло желания напомнить Мадине о необходимости соблюдать постулаты Корана. Однако незваная гостья не открыла огонь с порога, а лишь с гневом уставилась на Ахмадова. Воспользовавшись промедлением Мадины, телохранители бригадного генерала сейчас же направили ей в грудь стволы своих автоматов. Охватившая Хамида при появлении незваной гостьи тревога сразу растаяла. Теперь, даже если Мадина вздумает прибегнуть к оружию, охранники прикончат ее еще до того, как она вскинет свой автомат, потому что уже держат ее на прицеле. Окончательно успокоившись за свою жизнь, Хамид добродушно улыбнулся Мадине и поинтересовался:

– Что привело тебя сюда, сестра? Я вижу, ты чем-то обеспокоена. Что случилось?

– Отправляясь в Грозный, я оставила вам, генерал, свой спутниковый телефон. А теперь ваши люди отказываются мне его вернуть! Как это понимать?!

Мадина даже не пыталась скрыть свою неприязнь к Ахмадову, провозгласившему себя бригадным генералом Ичкерии. Она знала Хамида еще с первой русско-чеченской войны. В созданной Джохаром Дудаевым Службе национальной безопасности Хамид Ахмадов занимал одну из ключевых должностей. Но в первом же бою с русскими, превосходя их немногочисленный и полностью отрезанный от российских частей отряд в несколько раз, Ахмадов умудрился потерять более половины своей бригады. Правда, затем не без помощи телерепортажа Мадины он превратился в отважного героя, бесстрашно сражавшегося с полчищами неверных и лично истребившего не менее десятка врагов. Сцены «ратных побед» бригадного генерала Мадина засняла отдельно, когда Хамид, позируя перед объективом ее видеокамеры, собственноручно казнил нескольких пленных российских солдат, подобранных среди раненых на поле боя. После того кровопролитного и жестокого сражения, сделавшего его знаменитым, Ахмадов избегал сталкиваться с российскими подразделениями в открытом бою. Его люди устраивали засады, минировали дороги, провели несколько успешных диверсий в Грозном против российских милиционеров и насажденного Москвой правительства. После того как в августе 96-го года чеченские вооруженные отряды вновь взяли столицу под свой контроль, Ахмадов руководил чисткой Грозного, вылавливая по городу тех, кто помогал или хотя бы симпатизировал российской власти, и публично расправляясь с ними. Позже, уже в правительстве Масхадова, Ахмадов вошел в комиссию по обмену военнопленными, что не мешало ему заниматься похищениями людей и торговлей заложниками. Падение Грозного в начале 2000 года вынудило Ахмадова перейти на нелегальное положение. При этом он разошелся с Масхадовым и вместе со своим отрядом примкнул к объединенной группировке Басаева и Хаттаба. Мадина не сомневалась, что Хамид сделал свой выбор в пользу исламистов, почувствовав запах денег, получаемых ими из-за рубежа. И хотя Хамид при каждом удобном случае демонстрировал свою приверженность исламу и беззаветное стремление сражаться с неверными, Мадина нисколько не

сомневалась, что так он будет вести себя до тех пор, пока чувствует свою выгоду. Но именно по этой причине она и обратилась к Ахмадову, выбрав его из прочих известных ей чеченских полевых командиров...

– Ты зря беспокоишься, сестра, – ответил Хамид и сладко потянулся.

А Мадина увидела свое отражение в его темных очках, заткнутых дужкой за ворот его камуфляжной майки. В этих очках, да еще с густыми волнистыми волосами, Хамид отдаленно походил на голливудского актера Сильвестра Сталлоне и, зная об этом, очень гордился своей внешностью.

Перехватив взгляд Мадины, Хамид поправил очки у себя на груди и продолжал:

– Это всего лишь предосторожность, продиктованная обстоятельствами. Мы находимся в шестидесяти километрах от пеленгационных станций русских на их военной базе в Ханкале. Мои воины, которые, как ты говоришь, не вернули тебе спутниковый телефон, выполняли мой приказ, запрещающий ведение любых телефонных и радиопереговоров без моего разрешения. Ведь как командир я должен заботиться о безопасности своих бойцов. Кстати, а куда ты собиралась звонить, сестра? – между делом поинтересовался Хамид.

– Русским, чтобы договориться с ними об обмене их человека на моего мужа! – с гневом выпалила Мадина.

Хамид кивнул и, убедившись, что его охранники по-прежнему держат Мадину на прицеле, ответил:

– Не спеши. Я еще не решил, как поступить с заложником.

Мадина чуть было не бросилась в ярости на Хамида, но, вспомнив о нацеленных на нее автоматах, вовремя остановилась. Однако сдержать своего возмущения не смогла:

– При чем тут ты?! – с гневом выпалила она, забыв, что с бригадным генералом следует разговаривать на «вы». – Это мой заложник! И только я могу решать его судьбу!

Однако возмущенная тирада Мадины не произвела на Ахмадова ровным счетом никакого впечатления. Он даже не повысил голос и с прежней интонацией ответил:

– Ты, очевидно, забыла, сестра, что этого русского ты брала вместе с Русланом, Бесланом и Юсупом – моими бойцами.

– Но их нанимала я, и я же заплатила им за работу! А Юсуп получил долю погибших!

– А кто заплатит семьям Руслана и Беслана за гибель их родственников? – со скорбным лицом поинтересовался Хамид. – Это придется сделать мне, так как Руслан и Беслан служили в моем отряде, – ответил на собственный вопрос Хамид и вновь поднял взгляд на Мадину. – Я понимаю тебя, сестра. Ты думаешь, как помочь своему мужу. И это правильно, потому что долг жены заботиться о своем муже. Но, как бригадный генерал, как командир освободительного отряда Ичкерии, в первую очередь я должен думать о нашем деле. На продолжение борьбы нужны деньги. А за этого русского можно выручить большой выкуп: один или даже два миллиона долларов.

Мадина поняла: что бы она ни говорила, ее слова все равно не смогут перевесить два миллиона долларов, на которые нацелился Ахмадов. На участь ее мужа ему наплевать. Хамида интересуют только деньги, а красивые фразы о священном долге и участии в освободительной войне с неверными – это только фразы. Значит, если она хочет чего-то добиться, то должна разговаривать с Хамидом на понятном ему языке.

– Мне прекрасно известно, что война, которую ведут с русскими захватчиками наши братья и сестры, требует больших средств, поэтому я разделяю ваши заботы, генерал, – вновь перейдя на «вы», обратилась к Ахмадову Мадина. – Разделяет их и мой муж. А он, как вы знаете, весьма обеспеченный человек. Будьте уверены, что за свое освобождение он выделит вам столь необходимые для продолжения борьбы два миллиона долларов.

После ее слов глаза Хамида приняли совершенно другое выражение. В их глубине вспыхнул алчный блеск. И Мадина поняла, что Хамид судорожно подсчитывает свою возможную выгоду. Подсчеты длились около минуты, после чего Ахмадов наконец объявил свое решение:

– Мне приятно слышать, сестра, что твой уважаемый супруг разделяет наши заботы. Долг всех правоверных мусульман помогать друг другу. Поэтому мы поможем ему, но и он должен помочь нам и нашему делу. Наши усилия стоят большего. Но надеюсь, что на какое-то время нам хватит двух миллионов долларов для продолжения борьбы.

Мадина едва смогла удержаться от презрительной усмешки. Она хорошо знала Хамида Ахмадова, чтобы понять: свое решение он принял исключительно из корыстных соображений, посчитав, что вождеденный выкуп куда проще получить с ее мужа-миллионера, чем с российского правительства. Правда, если бы Хамид знал то, что известно Мадине, он бы пожалел о своем решении. Но она не собирается ставить его в известность о том, что ему не положено знать.

Приняв сосредоточенный взгляд Мадины за полное согласие с его словами, Ахмадов объявил:

– Ты сейчас же получишь свой спутниковый телефон, сестра, и свяжешься с российскими властями, чтобы договориться об обмене пленников.

* * *

Она с детства знала, что сообразительнее и умнее обоих своих братьев. Видел это и отец, но все равно больше всех уважал своего старшего сына Лечи, а любил младшего Ильяса. И все многочисленные родственники, до последнего мужчины их тейпа, были с ним согласны. Потому что род, фамилия, заслуги и уважение родственников передаются только по мужской линии, а мусульманская женщина, даже будь она трижды умна и красива, всего лишь покорная и безропотная раба своего мужа, да еще мать его детей – в этом ее основное и единственное предназначение. Это братья были сыновьями уважаемого и известного в районе человека, продолжателями рода и фамилии Хундамовых. Она же должна была превратиться всего лишь в выгодную невесту с богатым приданым. Но она, тогда еще никто – всего лишь самолюбивая чеченская девчонка по имени Фатима, не желала и не собиралась мириться с уготованной ей судьбой. Она твердо знала, что заслуживает большего, чем стирать пеленки, подавать мужу на стол да ублажать его своим телом, когда он этого потребует.

Она была всего на год младше Лечи и на два года старше Ильяса, но участвовала во всех без исключения их мальчишеских играх. Когда кто-то из приятелей Лечи говорил, что нечего играть с девчонкой, Фатима бросалась на своего обидчика. Точно так же она реагировала на любые насмешки в свой адрес. Но желающих надсмехаться над Фатимой было немного. А те, кто отважился, располосованные ее острыми ноготками, очень быстро прикусили свои языки. Лечи и Ильяс гордились Фатимой, потому что ни у кого из ребят в селе, да и во всем районе, не было такой боевой и отчаянной сестры. Но уважения братьев Фатиме было мало. Она хотела, чтобы ее незаурядность заметили и оценили взрослые, и прежде всего отец. Но напрасно она приносила из школы пятерку за пятеркой и рассказывала, как хвалят ее учителя за прилежание. В ответ отец лишь снисходительно кивал головой. По его твердому убеждению, образование значило для чеченской девушки куда меньше, чем внешность и умение вести домашнее хозяйство.

Его отношение к дочери изменилось, когда Фатима – постоянная участница всех мальчишечьих игр – к тринадцати годам неожиданно расцвела. Ее стройную спортивную фигуру с тонкой талией и длинными точеными ногами украсила высокая налитая грудь. Одноклассники и ребята постарше из шалинской средней школы, где училась Фатима, стали восхищенно заглядываться на нее. Многие пытались набиться к ней в приятели. Фатима не отказывала

никому, покровительственно принимая знаки внимания. Ощущать себя предметом обожания множества поклонников оказалось очень приятно, а знать, что из-за нее между юношами порой вспыхивают жестокие драки, было приятней вдвойне. Фатима с удовольствием представляла, какие страсти будут кипеть вокруг нее, когда она станет старше и еще красивее. Отец невольно поддерживал эти мысли, интересуясь у дочери ее отношениями с одноклассниками, выделяя среди них сыновей председателя колхоза и секретаря райкома.

И все же основное внимание отец уделял воспитанию своих сыновей. Когда Лечи и Ильяс достаточно подросли, чтобы держать в руках охотничье ружье и карабин, отец, главный зоотехник колхоза, стал брать их с собой на охоту, чтобы те, как и подобает каждому горцу, научились обращаться с оружием. Фатима, видя, что отец вновь обходит ее своим вниманием, не без помощи братьев уговорила его брать на охоту и ее. Расценив стрельбу как представившуюся ей прекрасную возможность добиться наконец расположения отца, Фатима не жалела сил, постигая новую для себя науку. Она не упускала ни одного момента, чтобы в очередной раз попрактиковаться в стрельбе. А в перерывах между выездами на охоту ежедневно подолгу тренировалась с незаряженным ружьем, учась удерживать его в руках и молниеносно наводить на цель. В первый раз она удостоилась одобрительного возгласа отца, когда через год по меткости и скорости стрельбы значительно опередила своих братьев. Обычно скупой на похвалу отец на этот раз не скрывал своего восхищения и впервые поставил Фатиму своим сыновьям в пример. Через неделю отец принес в дом легкий и изумительно красивый охотничий карабин с настоящим оптическим прицелом и объявил, что он достается лучшему стрелку, после чего вручил карабин дочери. У Фатимы хватило сообразительности понять: отец поступил так для того, чтобы пробудить у сыновей желание выиграть у сестры переходящее оружие. Однако все, что ему удалось пробудить, так это неумную зависть. Особенно неистовствовал Ильяс, который считался любимцем отца. Свою сестру за сделанный ей отцом подарок он просто возненавидел.

Неприкрытая зависть братьев только тешила самолюбие Фатимы. Впервые они оба ей завидовали и, значит, признавали ее полное превосходство над ними. И Фатима делала все возможное и невозможное, чтобы это превосходство стало еще очевиднее, чтобы и отец безоговорочно признал его, чтобы наконец понял, что она лучше, много лучше и способнее своих братьев. Каждый день после школы, а во время каникул и прямо с утра, прихватив с собой подаренный отцом карабин, она поднималась в горы или спускалась в ущелье и там с упоением стреляла. Ежедневные тренировки не прошли даром. В шестнадцать лет Фатима, стреляя навскидку, разбивала с первого выстрела подброшенную в воздух бутылку, а со ста метров попадала в голову крадущемуся в кустах волку. Никто из братьев даже близко не дотягивал до ее результатов. Очень довольная собой, Фатима надеялась на очередную отцовскую похвалу, но на этот раз тот лишь грустно покачал головой и так ничего и не сказал.

Фатима решила, что отец огорчен предстоящим отъездом Лечи, который в этом году окончил школу и собирался поступать в Московский химико-технологический институт. В отличие от отца она не заметила полного ненависти взгляда, которым впился в нее вновь посрамленный Ильяс. Шестнадцатилетняя девушка и не догадывалась, что ее превосходство в стрельбе младший брат воспринимает как унижение своего мужского достоинства.

Проводы Лечи в Москву на время сгладили напряженность в отношениях между сестрой и младшим братом. Но затем злоба и зависть к сестре вспыхнули в Ильясе с новой силой. Фатима же не сделала ничего, чтобы сгладить их накалившиеся до предела отношения. Наоборот, она всячески старалась подчеркнуть, что во всем превосходит своего брата. Золотая медаль, которую получила Фатима по окончании средней школы, наглядно продемонстрировала всем, и прежде всего троечнику брату, ее интеллектуальное превосходство.

На следующий день после выпускного вечера в школе, на котором присутствовали отец и младший брат (Лечи поздравил ее по телефону из Москвы), Фатима пригласила Ильяса пострелять из подаренного отцом карабина, который, несмотря на неоднократные просьбы

брата, никогда не давала ему в руки. Не собиралась она делать этого и теперь, но Ильяс, не зная об этом, охотно пошел за ней. Они поднялись в горы и остановились на лугу, который Фатима облюбовала для своей стрельбы. Указав Ильясу выбранную ею огневую позицию, Фатима начала стрелять. Она давно пристреляла все возможные мишени, поэтому поражала их с необычайной скоростью. Фатима называла Ильясу очередную выбранную цель и через секунду дырявила ее своей пулей. Ильяс стоял в стороне и, насупив брови, молча смотрел, как стреляет его сестра. Но, когда Фатима расстреляла третью обойму, Ильяс не выдержал и потребовал, чтобы сестра выполнила свое обещание и дала пострелять и ему. Та лишь насмешливо усмехнулась в ответ:

– Еще чего?! Ты же все равно промажешь. Давать оружие такому стрелку – только зря патроны тратить.

Услышав такие слова, Ильяс чуть не задохнулся от ненависти и, бросившись на сестру, попытался выхватить карабин у нее из рук. Он схватил его за ствол и деревянное ложе и изо всех сил дернул в свою сторону. Однако с первой попытки завладеть карабином Ильясу не удалось, Фатима мертвой хваткой вцепилась в оружейный приклад. Несколько секунд они судорожно тянули оружие каждый в свою сторону. Но сила была на стороне Ильаса, и он постепенно начал побеждать. Но Фатима ни за что не хотела выпускать карабин, который считала своим, и только своим. Когда стиснувшие приклад пальцы начали деревенеть и разгибаться, Фатима в ярости крикнула Ильясу, чтобы он отпустил оружие. Но тот, чувствуя, что силы сестры на исходе, еще отчаяннее начал рвать карабин у нее из рук. И тогда Фатима повернула карабин и, направив его ствол брату в грудь, нажала на спуск. И сразу почувствовала, как ослабла хватка Ильаса. Фатима вырвала оружие из его ослабевших рук и лишь тогда заметила перед собой его перекошенное болью лицо и рот с выступившей на губах кровавой пеной. На память сразу пришли слова отца, рассказывавшего, что из пасти раненого волка появляется кровавая пена, когда у зверя пробито легкое. А потом Ильяс упал на спину и так и остался лежать в траве, устремив в небо свое побледневшее лицо. Только тогда Фатима осознала, что она наделала. Но осознание принесло не боль отчаяния или жалость к убитому брату, а одну лишь злость. Тот, кто постоянно, всю жизнь, только и завидовал ей, своей глупой и нелепой смертью разрушил ее будущую жизнь. Он постоянно мешал ей получить заслуженное уважение и признание отца, он и теперь скалит на нее свои окровавленные зубы. Мысль об отце вернула Фатиму к действительности... Надо рассказать отцу, что этот олух застрелился сам. Стал заряжать карабин и случайно нажал на спуск... Фатима нагнулась к труп своему брату и, как смогла, вложила карабин ему в руки, чтобы на цевье, прикладе и спусковом крючке остались его отпечатки пальцев. Потом она снова забрала оружие и вместе с ним бросилась назад в село.

С безумными глазами она ворвалась в дом и, постоянно сбиваясь, рассказала отцу о произошедшем на лугу несчастном случае. Когда Хундамов вместе с дочерью на своем служебном «УАЗе» приехал на луг, Ильяс был уже холодный. Фатима принялась рассказывать отцу, как пыталась спасти брата и, лишь сообразив, что он мертв, побежала домой.

Фатима так и не смогла понять, поверил ли отец ее рассказу об обстоятельствах гибели Ильаса. Увидев на лугу труп сына, он не сказал ни слова, лишь молча перенес его в машину и так же молча вернулся в село. До похорон Ильаса отец почти не разговаривал с дочерью и не подпускал к ней никого из соседей и многочисленных родственников, объясняя всем, что после трагической смерти брата Фатима все еще находится в шоке. Даже приехавший из Москвы на похороны брата Лечи, заранее предупрежденный отцом, не подходил к ней. Отец позвал дочь для разговора только после похорон и объявил Фатиме, что ей не следует оставаться в селе. Потупив взор, Фатима приготовилась выслушать волю отца, но услышала совсем не то, что ожидала. Отец пожелал, чтобы она уехала в Москву.

– Будешь жить в Москве. Поступи в какой-нибудь институт. Учись. Домой пока не приезжай. Лечи поможет тебе, – закончил отец свои наставления.

Фатима никак не ожидала, что смерть Ильяса так круто и счастливо изменит ее судьбу. Москва! Она будет жить в Москве! Станет знаменитой, и тогда не только отец, но и все родственники будут гордиться ею! Ни о чем подобном она не могла и мечтать.

3. ЗАЯВИТЬ О СЕБЕ

*Село Гехи, Урус-Мартановский район,
2 августа, 09.40*

Мадина победно взглянула на Ахмадова, и он одобрительно закивал головой. Они находились одни на чердаке среди необструганных стропил и развешанных на перекрытиях пучков пахучей травы. Под ногами была пыль: почерневшие от времени древесные опилки и перемолотое в труху сено, а на лицо то и дело налипали свисающие с крыши пауэи тенета. Но качество связи с чердака было несравненно лучше, чем из любой жилой комнаты дома, да и вероятность того, что разговор могут подслушать бойцы Ахмадова или улыбчивый хозяин дома, резко снижалась. Поэтому Мадина и забралась со своим спутниковым телефоном под крышу. Хамид, понятно, не пожелал пропустить столь важный разговор и поднялся вместе с ней. Но это даже хорошо. Теперь он сам убедился, что ее требования приняты в Москве. А в том, что они приняты, Мадина не сомневалась.

Своих неразлучных телохранителей Хамид оставил у приставленной к ведущему на чердак люку деревянной лестницы.

– Ну ты и хитрая стерва, – произнес Ахмадов, качая головой. – Теперь в Москве забегают.

– Важно, что результат достигнут. – Мадина победно улыбнулась. – Информация о похищении Загайнова и наших условиях его освобождения, – она сознательно опустила определение «моих», – передана на самый верх.

Мадина провела рукой по бедру, стирая пот с ладони, которой только что сжимала трубку спутникового телефона. Все-таки она здорово волновалась, звоня в Центральную избирательную комиссию России. Да и с тем, что председатель ЦИК оказался на месте, ей попросту повезло. В этом Хамид был прав. И все-таки она доказала ему, что может на равных разговаривать с высшими российскими государственными чиновниками, да еще выдвигать им свои требования. Могла ли она о таком мечтать пятнадцать лет назад, когда семнадцатилетней девочкой впервые приехала в Москву?

* * *

В Москву Фатима приехала вместе с Лечи. Оказалось, что брат неплохо устроился в российской столице. Он снял для нее вполне приличную квартиру и сказал, что при поступлении в институт проблем не будет, потому что в московские вузы поступают исключительно за деньги, а деньги у него имеются. Это было странно. Насколько Фатима знала своего старшего брата, тот был ловок и силен, еще отчаянно храбр и задирист, но при этом не отличался особым умом. А для того, чтобы зарабатывать большие деньги, одной храбрости и силы было явно недостаточно. И вместе с тем он не врал, когда говорил о деньгах. Рассуждая об успехах своего брата, Фатима решила, что со своими способностями сможет добиться гораздо большего. Отец сказал, чтобы она поступила в какой-нибудь институт, и она поступит, только не в какой-нибудь, а во ВГИК. Станет известной актрисой. И все родственники, да что там родственники – все чеченцы будут с восхищением говорить о ней!

Идея Фатимы поступить в институт кинематографии Лечи понравилась. Заручившись его обещанием достать необходимую для поступления сумму, Фатима отправилась во ВГИК подавать документы. Однако когда через несколько дней она снова встретила с Лечи, его ответ буквально резанул ей по ушам:

– В общем, так. Я тут поговорил с уважаемыми людьми. Твое намерение учиться во ВГИКе они одобряют. Обещали помочь, – брат демонстративно потер большой и указательный

пальцы правой руки. – Только учиться будешь не на актерском, а на операторском факультете. У нас на родине затеваются большие дела. Скоро всю власть наши возьмут, а Россию с ее чиновниками пошлют подальше. Так что актеры сейчас никому не нужны, а вот теле– и кинооператоры понадобятся.

Фатима в гневе вытаращила глаза. Какие-то люди, которых она даже не знает, пытаются диктовать ей через Лечи свои условия, да еще решают за нее, куда ей следует поступать!

– Я сама знаю, кем мне следует стать и на кого учиться! И не нуждаюсь ни в чьих советах! – с гневом выпалила Фатима.

Она была уверена, что после ее резкого ответа Лечи поднимется и уйдет, но он лишь добродушно усмехнулся:

– Узнаю тебя, сестра. Все так же отчаянно бросаешься в драку, как в детстве. – При этом в голосе брата прозвучали уважительные нотки. – Только сейчас случай не тот, и нет никакого резона коготки выпускать. Думаешь, откуда у меня деньги на эту квартиру? – Лечи обвел рукой гостиную снятой для Фатимы квартиры. – Мне их дали наши уважаемые люди, с которыми я веду свои дела. – Он усмехнулся и поправился: – Вернее, это они ведут дела, а я и мои парни следим, чтобы им никто не мешал. Проясняешь ситуацию? Так вот, у этих людей есть свои интересы в Чечне. Через пару-тройку лет наши приберут к рукам всю власть в республике. И тогда им потребуется свой человек, чтобы показывал всем остальным, что происходит в Чечне. Улавливаешь?

Фатима поняла главное: если она, как и собиралась, будет поступать на актерский факультет, то не получит от брата обещанных денег. После общения с абитуриентами, преподавателями и секретарями приемной комиссии Фатима твердо знала, что поступить во ВГИК без солидной взятки, тем более на самый популярный актерский факультет, невозможно. При трезвом рассуждении предложение Лечи следовало принять, и Фатима его приняла.

С деньгами, выделенными уважаемыми людьми, как называл Лечи руководителей чеченской диаспоры в Москве, поступить в институт оказалось совсем не сложно. Тем более что требуемый материал Фатима знала прекрасно и заслуженно получила на первом и единственном для нее, как для медалистки, экзамене оценку «отлично».

С той же решимостью, с какой она в детстве бросалась в драку со сверстниками, Фатима окунулась в водоворот московской жизни. На факультете среди будущих операторов она оказалась едва ли не единственной девушкой, благодаря чему и своей незаурядной внешности с первого курса окружила себя множеством поклонников. Фатима охотно посещала кафе и рестораны и только открывающиеся в Москве в конце 80-х ночные клубы и дискотеки. Иногда спала с институтскими приятелями, главным образом для самоутверждения, но ни с кем надолго не сходилась, бросая любовника сразу, как только начинал надоедать. Мысль о том, что ей предстоит выйти замуж и превратиться в служанку и наложницу своего мужа, была ей настолько противна и омерзительна, что Фатима панически боялась завязывать со своими любовниками длительные отношения. Старший брат, который, как было известно Фатиме, живя в Москве, тоже постоянно менял любовниц, к разгульной жизни сестры относился вполне снисходительно. Очевидно, его старания по укреплению бизнеса руководителей диаспоры были признаны «уважаемыми людьми», потому что Лечи обзавелся машиной – новенькой «БМВ» третьей серии, мобильным телефоном, массивной золотой цепью и пистолетом, который носил при себе почти не скрывая. Порой, отправляясь развлекаться в какой-нибудь ночной клуб, Лечи брал с собой и Фатиму. Тогда она оказывалась в окружении таких же, как Лечи, модно и дорого одетых молодых чеченцев, плящих на нее свои похотливые глазки. Но все эти «молодые бараны», как называла Фатима про себя приятелей своего брата, знали, что она сестра их вожака и для них неприкосновенна. Как правило, такие совместные походы в кабаки заканчивались тем, что особенно ненасытно пожиравшие ее глазами приятели Лечи под конец вечера

снимали каких-нибудь русских шлюх и в кабацком туалете, у себя в машине или на снятой квартире спускали в них распаленную Фатимой похоть.

Как правило, все встречи с Лечи превращались в веселые и загульные вечеринки, продолжающиеся до самого утра. Но однажды брат приехал к ней на квартиру хмурый и подавленный. Фатима сразу поняла, что сегодняшняя поездка в кабак отменяется. Лечи молча прошел на кухню, в два приема допил остававшуюся в холодильнике початую бутылку вермута и лишь тогда начал говорить:

– У меня проблемы, сестра. Серьезные проблемы. У наших обострились отношения с «бауманскими». Может вспыхнуть война. Но это еще не все! Мои хозяева хотят поставить во главе бригады другого. Говорят, что у меня мало опыта, и если придется воевать с русскими группировками, я не потяну. А это моя бригада! Я ее создал, и только я должен ею командовать!

Отчаяние, которое звучало в его словах, лишний раз подтвердило, что, несмотря на все свое показное бахвальство, дорогую тачку и пистолет, он остался слабее, гораздо слабее ее.

– Что тебе мешает избавиться от своего соперника? – насмешливо спросила Фатима.

– Это же кровная вражда. Против меня ополчатся все его родственники.

– Я выручу тебя, братишка. Никто ничего не узнает. Твои хозяева решат, что твоего соперника убили русские, рискнувшие развязать войну. А если ты отомстишь русским, убив их главаря, то докажешь хозяевам свое право командовать бригадой.

– Ух ты! – Лечи уставился на сестру восхищенным взглядом. – Это ты лихо придумала. Только... – в его взгляде вновь появилась озабоченность, – лидера «бауманцев» постоянно окружают его громилы. Мне с моими парнями к нему никак не подобраться.

– Можно и не подбираться, – заметила Фатима. – Мне понадобятся две винтовки с оптическими прицелами. Разные! – уточнила она. – Чтобы не получилось, что жертва и заказчик убиты из одного и того же оружия. И я должна знать места, где они оба чаще всего бывают.

– Будет! Все будет! – быстро пробормотал Лечи, но затем, помолчав, озабоченно спросил: – А ты правда сможешь это сделать?

Фатима подошла к Лечи вплотную, покровительственно провела рукой по его волосам, словно это он был ее младшим братом, и лишь тогда ответила:

– Увидишь.

Боевик, только что вернувшийся с грузино-абхазской войны, которого руководители чеченской диаспоры хотели поставить во главе бригады Лечи Хундамова, был убит у входа в гостиницу «Останкино», где он снимал номер. Пуля, калибра 5,6 мм, выпущенная из охотничьего карабина «Соболь», точно такого же, из которого в свои школьные годы так любила стрелять Фатима, вошла боевику в правый глаз.

Через пять дней при аналогичных обстоятельствах был застрелен один из видных членов «бауманской» группировки. В четвертом часу утра криминальный авторитет вышел из дверей принадлежащего группировке ночного клуба, но не успел спуститься с ярко освещенного парадного крыльца к своей машине, как на улице грохнул одиночный выстрел и вылетевшая из темноты пуля пробила «бауманскому» авторитету сердце. На этот раз в руках Фатимы был самозарядный охотничий карабин «Сайга» калибра 7,62 мм. В установленный на карабине оптический прицел она отчетливо увидела, как разошлась ткань на левом лацкане пиджака ее новой жертвы, точно так же как четыре года назад лопнула на груди рубашка Ильеса.

Все вышло, как и планировала Фатима. Никто из руководителей чеченской диаспоры не заподозрил Лечи Хундамова в организации убийства назначенного на его место боевика. Зато покушение на «бауманского» лидера значительно укрепило его авторитет среди диаспоры. Лечи торжествовал. После двух мастерских выстрелов сестры никто в диаспоре не оспаривал его право командовать собственной бригадой. Но именно как командир бригады во время очередной разборки с конкурентами он попал под автоматную очередь «бауманских». Узнав о ранении брата, Фатима помчалась в НИИ скорой помощи. Ей даже удалось увидеть Лечи.

Отчего-то обычно неприступные врачи пропустили ее в палату. Лечи находился в сознании и, узнав сестру, попытался ей что-то сказать. Но из его побледневших губ вырывался только бессвязный шепот. Фатима вышла из палаты, так и не поняв ни слова из сказанного братом, а потом долго сидела в больничном коридоре, пока ночью к ней не вышел врач и не сообщил, что Лечи умер.

Брата хоронили в родном селе. Но Фатима этого не видела. Прилетевший в Москву за телом сына отец сказал, что ей лучше не приезжать на похороны. Фатима не стала спорить.

4. В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Гехи, 2 августа, 09.45

Нагнувшись, иначе на чердаке вообще невозможно было стоять, чтобы не биться головой о балки перекрытий, Хамид Ахмадов наблюдал, как Мадина сноровисто сворачивает свой спутниковый телефон. Она вообще все делала с отменной сноровкой. Проворно находила нужный ответ во время разговора и так же проворно вышибала мозги автоматной очередью. Заграница ей явно пошла на пользу. Черт возьми! Она стала еще привлекательнее и... породистей. Ну, еще бы! Пластикой, оплаченной деньгами своего мужа, она сделала себе совсем молодое лицо, а уж фигура у нее всегда была высший класс. Сколько ей сейчас: тридцать, тридцать два? А на вид не дашь больше двадцати пяти. Неудивительно, что этот мальчишка Руслан втюрился в нее по уши. Иначе бы ни за что не согласился на участие в ее аванюре. А она ловко воспользовалась похотливой самоуверенностью мальчишки, надавав ему пустых обещаний, а затем прикрылась им, когда сваливала вместе с захваченным чиновником от федералов. Но надо отдать ей должное. Благодаря своей хитрости ей все-таки удалось повернуть это почти безнадежное дело. Черт! Она так уверена в себе, что, пожалуй, и впрямь вытащит из российской тюрьмы своего мужа.

Тем временем Мадина уложила в соответствующее гнездо закрученный спиралью провод, установила на аппарат телефонную трубку и захлопнула крышку футляра, превращающего станцию мобильной телефонной связи в миниатюрный алюминиевый кейс, защищающий аппаратуру от ударов и иных повреждений. Взяв кейс в руки, она направилась к люку. Пробираясь под стропилами, Мадине тоже приходилось нагибаться, чтобы не задевать за них головой. Всякий раз, когда она это делала, Ахмадов видел перед собой ее обтянутые натовскими камуфляжными штанами накаченные ягодицы. Мысли «бригадного генерала» сами собой приняли другое направление... Интересно, она трахалась с Джохаром, когда работала в его пресс-службе? Наверняка трахалась. Ничем иным не объяснить ее головокружительный взлет в джохаровской администрации. При Джохаре он и сам был большим человеком. Начальник Грозненского управления Департамента национальной безопасности. Считай, один из истинных хозяев Грозного. Но даже тогда она была ему не парой. Впрочем, тогда ему хватало и русских телок. В семьях русских, что жили в Грозном, было полно молодых красивых баб, которых гвардейцы из департамента нацбезопасности отлавливали прямо на улицах. С теми можно было делать все, что угодно: драть самому, а потом смотреть, как дерут русскую девку охочие до этого дела национальные гвардейцы. С Мاديной бы такие игры не прошли. Не пройдут и сейчас. Живо настучит своему богатенькому муженьку. Да если и промолчит, он все равно догадается. Арабы считают его чуть ли не ясновидящим. А еще поговаривают, что он читает мысли. Чушь, конечно. Но лучше его не злить, особенно если хочешь получить с него два миллиона зеленых...

Хлопнула откинутаая крышка чердачного люка. И Ахмадов, отвлекшись от своих размышлений, увидел, как Мадина, словно кошка, перемахнула на шаткую деревянную лестницу и ловко спустилась по ней вниз... Если он намерен получить с ее мужа эти два миллиона, то ему следует присмотреть за этой женщиной. А то как бы она не провела его так же, как мальчишку Руслана. Она уже не раз доказывала свою дьявольскую хитрость... Схватившись, Хамид шагнул к лестнице вслед за Мاديной. Та уже была внизу. Султан и Умар, двое телохранителей Ахмадова, попытались преградить ей дорогу, но, увидев в распахнутом чердачном люке своего командира, расступились перед ней. Мадина молча проследовала мимо них и скрылась в одной из выделенных гостям комнат. Убедившись, что она ушла, Ахмадов махнул рукой своим телохранителям, подзывая их к себе, и те послушно полезли наверх. Лестница предательски заскрипела под их массивными телами. Тем не менее оба бойца благополучно

взобрались на чердак. Умар, поднявшийся первым, жадно втянул носом запах развешанных на чердаке пучков какой-то травы, от которого самого Хамида уже начинало тошнить, и с готовностью взглянул на командира. Через несколько секунд к нему присоединился Султан и тоже преданно уставился на Ахмадова.

– Вот что, – объявил Ахмадов подобострастно глядящим на него телохранителям. – С этой минуты вы станете неотрывной тенью нашей уважаемой гостьи. Сопровождайте ее повсюду, даже если она отправится подмываться. А чтобы она вас не пристрелила, – хохотнул Хамид, – проявите к ней максимум внимания и уважения. Ну и, разумеется, будете докладывать мне обо всех ее действиях. Задание ясно?

– Ясно, Хамид, – ответил за обоих бойцов Султан. – Только мы вот все хотели спросить: кто она, эта Мадина?

– Она работала в пресс-службе Джохара. Была его личным телеоператором... – начал объяснять Ахмадов, но, заметив недоумение на лицах своих телохранителей, остановился.

Бараны! Настоящие бараны! Даже не сообразили, что он ведет речь о первом президенте Ичкерии. Но что еще можно было ожидать от бывших пастухов? Впрочем, держать в телохранителях умников – себе дороже. Еще начнут рассуждать, стоит ли умирать, прикрывая командира от пули.

– Помните те откровения русских военнопленных, которые признались в истязаниях и убийствах чеченцев? Вы наверняка видели их по нашему телевидению и на видеокассетах, – вместо подробного рассказа о недавно появившейся в отряде женщине спросил у своих телохранителей Ахмадов и, когда те утвердительно ответили, пояснил: – Это Мадина снимала те репортажи. И допрашивала русских тоже она, – закончил он с ехидной улыбкой.

* * *

Учеба в институте помогла Фатиме отвлечься от мрачных мыслей. Этот год был для нее очень важен. Приближались выпускные экзамены, и «уважаемые люди» чеченской общины, по совету которых она выбрала операторский факультет, все чаще интересовались результатами ее учебы. Фатима не подвела своих спонсоров, закончив ВГИК с красным дипломом. Сразу после окончания института Фатима по совету все тех же «уважаемых людей» вернулась на родину. Маленькая горная республика теперь называлась Ичкерией, а бывший советский генерал, нынешний президент Ичкерии-Чечни уже объявил о ее суверенитете и независимости. Перед Фатимой не стоял выбор: куда устроиться на работу. Главы московской диаспоры заранее проинформировали ближайшее окружение генерала-президента о недавней выпускнице ВГИКа, после чего Фатима Хундамова была незамедлительно зачислена в президентскую администрацию, в центр общественных связей. При этом она получила собственную телевизионную студию и целый штат помощников.

Работа в президентской администрации захлестнула Фатиму с головой. Генерал-президент желал, чтобы все его великие преобразования запечатлелись в кинохронике. Следуя его указаниям, Фатима снимала истеричные митинги в его поддержку, зачастую заканчивающиеся беспорядочной стрельбой в воздух, военные парады президентской гвардии, помпезные приемы иностранных делегаций и, конечно, публичные выступления и телеобращения самого Дудаева. Все материалы, подготовленные телерадиокомпанией Ичкерии, выходили в эфир только после ее редакции. Фатима безошибочно определяла, что хочет видеть на экране президент и его окружение. Теперь ее собственные планы стать киноактрисой казались Фатиме глупыми и наивными. Сейчас она ни за что не променяла бы приобретенное влияние и власть на сомнительную популярность актрисы. Несколько раз, выкроив «окно» в своем напряженном графике и специально прихватив с собой нескольких помощников, Фатима наезжала из Грозного в родное село. Но, вопреки ее надеждам, отец ни разу не высказал восторга по поводу

ее карьеры. Напротив, слушая рассказы дочери о ее близости к президенту, он лишь грустно качал головой. Фатима решила, что ее отец уже слишком стар, чтобы понять грандиозность происходящих в республике преобразований и оценить ее собственную роль в этом процессе, и перестала приезжать к нему... В конце концов, она главный редактор всех выходящих в Ичкерии теле- и радиопрограмм, ближайший помощник президента! Ее высоко ценят руководители московской диаспоры и даже сам президент и все его окружение! А мнение дряхлеющего старика и таких же, как он, престарелых родственников – все это давно устаревшие предрассудки, на которые не стоит даже обращать внимание!

Постепенно Фатима вообще прекратила всякие отношения с родней, тем более что перешедший в вооруженную стадию конфликт чеченского президента с российскими властями стал для этого прекрасным поводом. После провалившейся попытки президентской оппозиции захватить Грозный при поддержке десятка российских танков в ноябре 94-го года Фатима полностью переключилась на освещение хода военных действий. Президенту нужны были репортажи о победоносных действиях национальной гвардии и зверствах российских военных против мирного населения Ичкерии, и Фатима выдавала их в нужном количестве.

Горящие российские танки на улицах Грозного и тела русских солдат, убитых доблестными ичкерийскими гвардейцами. Отдельно – трясущиеся от страха восемнадцатилетние российские мальчишки в военной форме, шепчущие в объектив телекамеры, как командиры послали их убивать чеченских детей и женщин и как их разбили и взяли в плен бесстрашные чеченские воины. Как доказательство их слов разрушенные до основания чеченские дома, подвергшиеся штурмовым бомбовым ударам российской авиации, или трупы мирных жителей, расстрелянных российскими военными во время кровавых зачисток чеченских сел. Сразу после этого – интервью бригадных генералов национальной гвардии и полевых командиров, призывающих к отмщению. И уже, как кульминация, – выступление самого генерала-президента с призывом объединиться всем чеченцам против российской агрессии.

Репортажи Фатимы, снятые на местах боев, получали высокую оценку президента. Ее сюжеты охотно тиражировали западные телекомпании, а некоторые из них, к огромному изумлению Фатимы, показали даже ряд российских телеканалов. Фатима знала, как вызвать у чеченских зрителей праведный гнев, а у европейских слезливое сочувствие, и всякий раз добивалась задуманного. Когда кто-то из захваченных российских военных отказывался произносить перед камерой составленный для него текст, Фатима приказывала героям своих репортажей из числа национальных гвардейцев пытать пленного, а иногда, войдя в раж, и сама принимала участие в его истязаниях. Особенно ей запомнился сюжет с пленным российским капитаном-танкистом, который она сняла в феврале 95-го года. Гвардейцы успели вытащить его из подбитого танка до того, как тот сгорел. У танкиста оказалось обожжено лицо, из-за чего он выглядел весьма устрашающе. Увидев его, Фатима сразу сообразила, что из его уст откровения о жестокости российских военных будут выглядеть особенно убедительно. Тут же в сарае, где боевики держали русского офицера, она написала для него нужный текст, но танкист наотрез отказался произносить его. Бить героя будущего сюжета было нельзя, чтобы не попортить перед предстоящими съемками его внешность. Тогда Фатима приказала помогающим ей боевикам привязать пленного танкиста к козлам, служащим для распилки дров. Когда те выполнили ее приказание, она расстегнула на танкисте штаны и спустила их вместе с трусами. Наблюдающие за ней боевики нервно засмеялись. Но они перестали смеяться, когда Фатима зажгла карманную зажигалку и поднесла ее пламя к оголенной мошонке связанного офицера. И капитан сломался. После того как опаленная кожа мошонки сморщилась и потрескалась, он под диктовку Фатимы повторил весь составленный ею текст. Во время записи интервью Фатима еще несколько раз подносила горящую зажигалку к гениталиям пленного капитана. В ответ он морщился от боли и матерился, но это только придавало больше злобы его словам. После съемки пленного, конечно, пришлось пристрелить, зато после того, как при монтаже записанного интервью она вырезала

свои подсказки, плюющийся и орущий в объектив капитан на экране выглядел настоящим кровавым монстром. Сюжет получился настолько удачным, что вызвал шквал негодования на очередном международном конгрессе народов Кавказа.

Несмотря на полный развал российской армии, который демонстрировала Фатима в своих сюжетах, 21 апреля 1995 года российским военным удалось ракетным ударом с самолета уничтожить лидера всех чеченцев, обожяемого ею генерала-президента. Смерть президента внесла разобщенность в ряды его последователей, но никак не отразилась на положении самой Фатимы, так как новые чеченские лидеры тоже нуждались в ее сюжетах. Вместе с чеченскими полевыми командирами и бригадными генералами она вела свою войну с Россией – войну информационную – и в этой войне одержала победу. Потому что подписанием Хасавюртовского соглашения о мире в 1996 году Россия фактически признала свое поражение.

5. ВО ВСЕОРУЖИИ

Окрестности Гехи, Урус-Мартановский район, 2 августа, 15.30

С вершины холма одно- и двухэтажные сельские домики выглядели игрушечными. Таким же игрушечным казался и мост, перекинувшийся через реку Гехи, давшую название выросшему на ее берегу селу. И только сама река, огибающая игрушечные постройки голубовато-зеленым рукавом, выглядела настоящей.

Мадина удивилась, отчего ей в голову пришло такое сравнение. С детства, с того момента, как отец вручил ей первый в ее жизни нарезной карабин, ее любимыми игрушками было оружие. Правда, когда она все-таки вышла замуж, к ним прибавились бриллианты и прочие драгоценности, подаренные мужем шикарные наряды и не менее роскошные машины, на которых она разъезжала, когда была его женой. Стоп! Она и сейчас его жена. И все утраченное богатство, а также власть еще вернутся к ней. Она все это заслужила и обязательно получит, как только вызволит своего Ахмеда из заточения. Для этого понадобятся хитрость, которая всегда при ней, и пара стволов, которых как раз не хватает. Юсуп – трус, в этот раз отказался ей помогать! Вернее, тех денег, которые она могла ему предложить, ему показалось мало. Еще бы! Вместе с долей Руслана и Беслана, погибших при захвате российского чиновника, он получил от нее сто пятьдесят тысяч. Естественно, что с такими деньгами Юсупу не хочется рисковать своей головой за те пятьдесят штук, что у нее остались. Лучше всего было бы использовать пару таких же влюбленных в нее Русланчиков. Она даже готова переспать с ними в качестве аванса! Но пример убитого мальчишки никого из бойцов Хамида не вдохновил. Но она все равно что-нибудь обязательно придумает. Мадина никогда не останавливалась на полпути к своей цели. Не остановится и сейчас!

Сзади неслышно, как ему казалось, подошел Хамид.

– Вон то место, где мы проходили, – вытянутой рукой он указал на мост через реку за южной окраиной села и протянул Мадине свой полевой бинокль, чтобы она лучше могла рассмотреть мост и подступы к нему. – По-моему, подходящее.

Мадина не ответила, молча взяла бинокль и поднесла его к глазам... Что ж, Хамид прав. Место действительно подходящее. Но куда больше выбора места ее сейчас волнует отсутствие прикрытия. Как ни исхитряйся, а без пары стрелков не обойтись. Еще нужны лошади. Так что ей в любом случае придется обращаться к Хамиду. В конце концов, пусть поработает за обещанные ему два миллиона долларов. Быстро оглянувшись назад и убедившись, что Султан с Умаром, псы Хамида, которым он велел за ней присматривать, остались на опушке, Мадина повернулась к Ахмадову.

– Мне не обойтись без тебя, Хамид, – сказала она, опустив взгляд. Пусть напыщенный бригадный генерал увидит, что она признает свою зависимость от него. Это потешит его самолюбие. – Русские сейчас уже не те, что в 96-м. Их спецслужбы наверняка попытаются устроить какую-нибудь ловушку... – Зря она это сказала! Если Хамид струсит, как его бойцы, она вообще не получит от него никакой помощи. Впрочем, когда мужчине не нужно рисковать собственной головой, он обычно гораздо смелее. – Одной мне никак не справиться, – продолжала Мадина. – Поэтому я прошу тебя: дай мне двух твоих людей для прикрытия. – Сделав шаг к Ахмадову, Мадина «нечаянно» коснулась его своей грудью. Надо было снять куртку, чтобы он почувствовал ее тело не через плотный камуфляж, а через тонкий трикотаж футболки. Но сойдет и так, вон как у него забегали глазки. – Скорее всего, твоим бойцам и делать ничего не придется, но все же я должна быть уверена, что, когда мы будем уходить, русские не выстрелят

нам в спину. – Заметив, что Ахмадов медлит с ответом, Мадина добавила главный аргумент: – Если все сорвется, мой муж не сможет выплатить тебе два миллиона за свое освобождение.

– Ты все-таки дьявольски хитра, – наконец ответил Хамид.

А Мадина почувствовала, как его рука нырнула под полу ее десантной натовской куртки. Мужская ладонь прошла по боку и плотно обхватила ее обтянутую плотной футболкой грудь. Но Мадина не отстранилась, даже когда Ахмадов, нащупав под футболкой ее сосок, зажал его между своим большим пальцем и ладонью.

– И также дьявольски хороша, – с похотливой улыбкой добавил он. – Не волнуйся, я не собираюсь покушаться на твою честь, так как действительно намерен получить с твоего мужа эти два миллиона. А что касается твоего прикрытия, возьми Султана и Умара. – Ахмадов покосился на топчущихся в отдалении телохранителей. – Ведь мы с тобой хотим одного и того же, не правда ли, сестра?

– Да, генерал.

На ее лице появилась торжествующая улыбка. Перед оружием женщины не устоит ни один мужчина, будь то рядовой боец, или генерал, или президент республики...

* * *

Успех Фатимы с видеороликом о российском танкисте-захватчике на международном конгрессе кавказских народов заставил обратить на нее внимание нового президента Ичкерии, возглавлявшего при прежнем руководителе генеральный штаб его армии. С 1996 года в качестве специального представителя нового чеченского лидера Фатима участвовала во всех без исключения внутренних и зарубежных чеченских форумах, на которых представляла отснятые ею материалы. Ее сюжеты об агрессивной политике России по отношению к Чечне неизменно вызвали интерес, как среди чеченцев, так и среди представителей международных общественных и политических организаций. И с каждым новым сюжетом росла ее популярность. Поэтому Фатима несколько не удивилась, когда новый президент стал привлекать ее к переговорам с представителями различных исламских движений и организаций.

Во время одной из таких встреч, проходившей в измирском отеле «Шератон», она и увидела его. Он сидел напротив и во время всей беседы, длившейся почти три часа, смотрел только на нее, а на президента бросал мимолетные взгляды, да и то лишь в те моменты, когда этого требовал протокол. Он буквально пожирал ее глазами. Впервые перед мужчиной Фатима почувствовала себя неудобно. Ей даже стало жарко под его обжигающим пристальным взглядом и захотелось снять с шеи платок и расстегнуть верхнюю пуговицу наглухо застегнутой блузки, чтобы он увидел – да, черт возьми, увидел ее точеную шею, прямые, как у манекенщицы, плечи и смог представить себе ее упругую грудь. Но он и так все отлично разглядел и представил, поэтому и предложил ей по окончании встречи прогуляться по городу. Фатима согласилась без колебаний. Этот таинственный человек, о котором она знала совсем мало – только его имя – Ахмед, – манил и завораживал ее. У подъезда отеля его ждал шикарный лимузин, и прогулка в действительности оказалась изумительной поездкой. А потом был ужин в таком же шикарном ресторане и не менее изумительная ночь в роскошных апартаментах.

Фатима пыталась понять, чем ее пленил незнакомец, но так и не смогла себе этого объяснить. Он был безусловно красив: слегка волнистые иссиня-черные волосы и резко контрастирующая с ними седая прядь, волевое, словно вытесанное из камня, решительное лицо, статная фигура и еще взгляд. Да, именно! Ее покорила его взгляд, рентгеном пронизывающий до самых костей и заставляющий замирать сердце. Тогда, во время переговоров в «Шератоне», всякий раз встречаясь с ним глазами, Фатима чувствовала себя неудобно. Но поразительнее всего было то, что и президент под взглядом Ахмеда тоже чувствовал себя неудобно: сбивался с речи, начинал суетливо мять свои пальцы или пить выставленную на стол минеральную воду. Именно эта

подавляющая сила взгляда и окружающая Ахмеда таинственность толкнули Фатиму к нему. Он же, напротив, вел себя так, будто ему все о ней известно. За все время свидания, Фатима отлично это запомнила, он не задал ей ни одного вопроса. А она, хотя и хотела знать о нем как можно больше, так и не решилась ничего спросить. Еще бы! Она даже не решилась потопить его, когда, сторая от желания, абсолютно голой лежала на его постели и смотрела, как он обстоятельно развешивает в платяном шкафу свою одежду.

Она не стала скрывать от президента, что провела ночь с Ахмедом. Да это было и бессмысленно. Вездесущие президентские охранники наверняка ему тут же все донесли. Но президент отнюдь не возражал против ее встреч с Ахмедом и даже специально заметил при случае:

– Ахмед аль-Рубеи весьма влиятельный человек в исламском мире. Его слово многое значит.

Уже позже Фатима узнала, что ее любовник является одним из лидеров крупнейшей радикальной исламской организации «Аль-Кайда», имеющей своих членов и сторонников во всех мусульманских странах.

Их встреча в турецком Измире вовсе не оказалась последней. Чем-то она тоже смогла заинтересовать Ахмеда. Причем не только своим телом. С его популярностью среди членов Организации он мог выбирать себе самых прекрасных наложниц. И делал это. Но в отличие от всех его любовниц только она стала ближайшим и самым преданным соратником Ахмеда в его борьбе. Именно она организовала ему встречи с неподконтрольными президенту чеченскими полевыми командирами, полновластными хозяевами своих территорий. Через нее в дальнейшем чеченские исламисты поддерживали связь с Ахмедом и прочими лидерами «Аль-Кайды». Это она на первых порах перевозила в Чечню деньги, идущие на подготовку и формирование боевых отрядов Организации, пока полевые командиры не наладили свой канал. И наконец, когда Ахмед решил совершить инспекционную поездку на Кавказ, чтобы своими глазами увидеть, как расходуются выделяемые «Аль-Кайдой» средства, именно Фатима занималась организацией его визита. Это были приятные хлопоты, потому что во время своей поездки по Чечне Ахмед должен был на ней жениться. И хотя Фатима понимала, что свадьба – это всего лишь легенда его визита, ей все равно было приятно осознавать, что она наконец станет его законной женой. Все прошло именно так, как она задумала. Правда, как всегда, подвел отец, объявивший, что не дает свое согласие на брак дочери. Но свадьба все равно состоялась. Ахмед, теперь уже ее официальный муж, даже не стал встречаться с выжившим из ума стариком. Да и гости, среди которых были практически все финансируемые Организацией полевые командиры, тоже не стали слушать его жалкий лепет. И оттого, что за праздничным столом не было отца и ее сельских родственников, свадьба не стала менее пышной, так как на ней присутствовали самые известные в республике люди. Даже президент, которого официально не приглашали, прислал одного из помощников, чтобы передать жениху и невесте свои поздравления. Ахмед, как позже выяснила Фатима, остался очень доволен. Длившиеся несколько дней свадебные торжества позволили ему, не привлекая внимания российских спецслужб, встретиться с намеченными полевыми командирами и решить с ними все необходимые вопросы.

Результатом этих встреч стало восстание в Дагестане в августе 1999 года, поддержанное вооруженными отрядами чеченских исламистов, перешедших чечено-дагестанскую границу. По плану Ахмеда, аналогичные восстания должны были вспыхнуть во всех северокавказских республиках. Но всеобщего джихада не получилось. Россия при поддержке своего воинствующего президента стянула к границам Чечни и Дагестана до девяноста тысяч солдат и около четырехсот танков. К концу сентября российские войска задавили восстание в Дагестане, а затем и перешли границу Чечни. Ахмед, который все это время находился в Чечне и оттуда руководил боевыми действиями отрядов исламистов, поначалу отнесся к ситуации с присутствием ему спокойствием. Но когда российские войска заняли северную часть Чечни и взяли под свой контроль Урус-Мартан и Гудермес, а их пограничники и подразделения спецназа высади-

лись на юге Аргунского ущелья, блокировав путь в Грузию, Ахмед в срочном порядке покинул Чечню, отправившись за помощью Организации. Дальнейшие события показали, что он, как всегда, оказался прав: в феврале 2000 года российские войска заняли Грозный.

Фатиме пришлось остаться. Таково было желание Ахмеда. Правда, она регулярно общалась с ним по спутниковому телефону. Она снова снимала репортажи о зверствах российских солдат и о героическом сопротивлении чеченского народа. Зная о ее связи с одним из лидеров «Аль-Кайды», полевые командиры охотно соглашались на участие Фатимы в операциях против российских войск. Организации требовались доказательства активности финансируемых ею боевиков, и запечатленные Фатимой расстрелы российских автоколонн, минирование дорог, обстрелы блокпостов, захваты и показательные казни русских солдат являлись наглядными свидетельствами непрекращающегося сопротивления чеченских исламистов. Порой ради удачного кадра, а чаще ради собственного удовольствия, Фатима сама брала в руки снайперскую винтовку, и тогда статисты видеосъемки превращались в мишени. Особенно она любила выстрел в мошонку или в мочевого пузырь. Визжащий и корчащийся в предсмертных конвульсиях солдат с отстреленными яйцами на пленке смотрелся гораздо лучше, чем неподвижно лежащий труп.

Но если съемка вылазок боевиков не вызывала особых проблем, то с созданием репортажей о преступлениях российских солдат против мирных жителей пришлось повозиться. Российские генералы, командующие федеральными войсками, извлекли уроки из предыдущей военной кампании. Массированным штурмам и сплошным зачисткам сел они предпочитали переговоры с их старейшинами. И те, готовые прикинуться старыми и немощными, лишь бы не воевать, выпускали российские войска в свои села. В результате таких проходящих без выстрелов зачисток Фатима лишилась фактического материала для съемок.

Ее выручил Ахмед. А предложенный им план с успехом реализовал бригадный генерал Хамид Ахмадов, в недавнем прошлом высокопоставленный сотрудник национальной безопасности Ичкерии, знакомый Фатиме еще по предыдущей российско-чеченской войне. В отряде Ахмадова воевало около десятка наемников-славян. По его приказу, переодевшись в форму русских солдат, они пробрались в небольшое селение, сдавшееся до этого без боя российским военным, и вырезали почти всех его жителей, предоставив тем самым Фатиме отличный материал для съемок. Помимо съемки тел убитых «российскими военными» жителей села, Фатима записала интервью с несколькими обезумевшими от горя чеченками, чьих дочерей, прежде чем убить, жестоко изнасиловали пьяные «русские солдаты». Девушек наемники изнасиловали уже по собственной инициативе – присутствовавшая при постановке задачи Фатима запомнила, что ничего подобного Ахмадов своим боевикам не приказывал, – зато запись показаний свидетельниц надругательств и съемка тел жертв изнасилований придали дополнительный трагизм ее репортажу.

Ахмед, первым просмотревший переправленную за границу пленку о «зверствах российских военных», высоко оценил старания своей супруги, выразив Фатиме свое восхищение во время очередного телефонного разговора, и заказал ей еще несколько аналогичных сюжетов. По его словам, после подобных сюжетов выделение финансовой помощи от различных зарубежных исламских организаций сражающимся в Чечне братьям-мусульманам должно увеличиться в несколько раз.

Фатима активно взялась за дело. Вместе с Хамидом она присмотрела еще несколько мелких сел и отдельных усадеб чабанов, где из-за малочисленности жителей акции «российских карателей» имели все шансы на успех, однако реализовать свой план не смогла. От информаторов Ахмадова Фатима узнала, что российские спецслужбы начали на нее настоящую охоту. Российские военные уже давно пытались выследить и уничтожить чеченскую женщину-оператора, снимающую нападения на их автоколонны и лично пытающую и казнящую их солдат, но никак не могли напасть на след Фатимы. Однако когда им в руки попала кассета с ее последним

репортажем о вырезанном «их солдатами» чеченском селе, русские словно с цепи сорвались. К розыску Фатимы подключились ФСБ, МВД и даже военная разведка.

Помня о безуспешности всех предыдущих попыток взять ее, Фатима и на этот раз поначалу проигнорировала информацию своего давнего знакомого из службы национальной безопасности. Но ночная облава, в которую она попала в одном из сел, заставила отнестись к предупреждению Хамида со всей серьезностью. Из села пришлось уходить, бросив всю съемочную аппаратуру, и то ей едва удалось прорваться через кольцо российских солдат, блокировавших село. Как всегда, в критической ситуации вырубил автомат, с которым Фатима никогда не расставалась. После того как охранявшие ее боевики вступили в перестрелку с атакующей группой российского спецназа, Фатима с истерическим криком бросилась прочь из села. Уловка сработала, окружившие село солдаты приняли ее за одну из напуганных перестрелкой местных жительниц. Когда навстречу ей из секрета выскочили двое молодых солдатиков, Фатима уложила их одной длинной очередью и скрылась в примыкающей к селу густой «зеленке».

Тогда ей вновь удалось обмануть российских военных: вырваться из окруженного села и оторваться от погони, но Фатима поняла: ее везение не безгранично. При первой возможности она связалась с Ахмедом. Узнав о том, что вся ее съемочная аппаратура досталась российским солдатам и что новых репортажей о зверствах российской армии в Чечне больше не будет, Ахмед приказал ей уходить за кордон. Фатима и сама понимала, что оставаться в Чечне, когда за ней охотятся все российские спецслужбы, смертельно опасно. И она ушла, красиво и эффектно, в очередной раз перехитрив все российские спецслужбы.

С двумя охранниками-арабами она пробралась на территорию Ингушетии. Вместе с видеокамерой, кассетами и сменными аккумуляторами, специально купленными Фатимой для реализации задуманного плана, в ее рюкзаке на этот раз находилось десять килограммов взрывчатки, о чем охранники не подозревали. На окраине Назрани Фатима сняла ветхий деревянный дом и, приказав охранникам дожидаться ее, отправилась на городской рынок. Среди беженцев, наводнивших рынок, Фатима отыскала молодую, внешне похожую на нее чеченку и, рассказав ей жалостливую историю о трагически погибшей сестре, пригласила в свой дом. Беженка охотно согласилась. Фатима привела ее в только что снятый дом, провела в якобы свою комнату и, когда та, по предложению гостеприимной хозяйки, уселась за стол, ударила сзади по шее обухом заранее приготовленного топора. Фатима не стала стаскивать тело со стула, лишь положила на колени беженки рюкзак со взрывчаткой, куда перед этим вставила дистанционный детонатор. Оставалось выполнить последний пункт плана. Сказав ожидающим в соседней комнате охранникам, чтобы они не тревожили гостью до ее возвращения, Фатима покинула дом. Отойдя на безопасное расстояние и спрятавшись за забором одного из соседних домов, она по мобильному телефону позвонила в милицию и измененным голосом сообщила, что в снятом доме на окраине города обосновались чеченские боевики: двое мужчин и одна женщина. Теперь оставалось только ждать.

Милицейский «уазик» подъехал к указанному дому через двадцать минут. Из машины выбрались трое милиционеров в бронежилетах и с короткими автоматами на плечах, четвертый остался в машине, и направились к дому. На стук милиционеров боевики-арабы дверь не открыли. Когда один из милиционеров попытался силой открыть дверь, из дома по нему ударила автоматная очередь. Милиционеры в страхе попадали на землю, даже тот, что сидел в машине, бросился под колеса, и открыли беспорядочный огонь по дому сразу из четырех автоматов. Потом тот, что лежал у машины, подполз к кабине и вытянул оттуда микрофон рации на длинном шнуре, очевидно, стал вызывать подкрепление. Фатима не стала ждать продолжения и, опустив руку в карман своей стеганой кофты, нажала кнопку радиовзрывателя. Она отчетливо увидела, как из окон дома, где засели отстреливавшиеся арабы, полыхнуло пламя, затем все окутало облаком дыма, и во все стороны полетели щепки, осколки шифера и расколотого кирпича. Фатима предпочла поскорее покинуть опасный квартал, куда вот-вот должны

были съехаться дополнительные милицейские патрули и бригады пожарных. Она наблюдала достаточно много диверсий, устраиваемых исламскими и чеченскими боевиками, и отлично знала, что после взрыва десяти килограммов смеси тротила и гексогена на месте одноэтажного деревянного дома останутся только бесформенные обломки щепок и такие же бесформенные ошметки тех, кто там находился. Идентифицировать тела погибших, да даже и не тела, а куски разорванной человеческой плоти, невозможно. А вот установить их личности, во всяком случае личность женщины, удастся наверняка, по обнаруженным на месте взрыва личным вещам Фатимы Хундамовой. Кто, как не она, могла иметь при себе документы на ее имя, ее драгоценности и съемочную аппаратуру. Позже, когда она уже перебралась к Ахмеду, Фатима узнала, что российские спецслужбы прекратили ее розыск, посчитав погибшей. Все случилось именно так, как она рассчитала.

Ахмед по достоинству оценил изобретательность своей новой жены, предложив Фатиме прочитать курс лекций о тактике российских спецслужб в своем учебном центре, готовящем боевиков-шахидов. Предложение фактически означало, что он назначает ее своим ближайшим помощником. И Фатима со всей энергией взялась за новое для себя дело. Она рассказывала исламским боевикам о российских спецслужбах и противодействии им, сначала через переводчика, а когда достаточно освоила арабский язык, то и самостоятельно. Кроме этого, Фатима регулярно практиковалась в стрельбе из различных видов оружия, наравне с обучающимися в лагере арабами изучала минно-взрывное дело. Ахмед внимательно следил за ее успехами и как-то признался, что она превосходит многих его инструкторов. Фатима была польщена. Что Чечня, она еще заставит весь мир заговорить о ней! Вот только как это сделать, если Фатиму Хундамову разорвало на куски в доме на окраине ингушской Назрани? И тогда Ахмед, словно прочитав ее мысли, предложил ей сделать пластическую операцию и взять другое имя. Фатима с благодарностью согласилась, и когда после проведенной в датской клинике пластической операции взглянула на себя в зеркало, то увидела там похожую на Фатиму Хундамову, но в то же время уже другую женщину. Датские хирурги постарались на славу, добавив в ее внешность восточные черты. Теперь она с равным успехом могла выдать себя за турчанку, гречанку, чеченку, азербайджанку, египтянку или даже итальянку. Отныне национальность определялась документами, которые она будет иметь при себе. Но, пожалуй, самым главным было то, что отныне она могла в любой момент вернуться в Чечню и Россию, где ее давно считают погибшей. И когда обстоятельства потребовали ее возвращения, она, запасясь документами на имя Мадины, сделала это без колебаний.

Часть II

БОЙЦЫ «ВЫМПЕЛА»

«Самым серьезным вызовом безопасности России до недавнего времени был и сегодня пока остается так называемый чеченский конфликт на Северном Кавказе».

*Владимир Булгаков,
генерал-полковник, Первый заместитель
командующего войсками
Северо-Кавказского военного округа*

6. ПЕРЕГОВОРЫ

**Центральная избирательная комиссия, Москва,
2 августа, 16.50**

*Начальнику управления «В»
Центра спецопераций ФСБ РФ
генерал-майору Углову*

Сегодня, 2 августа, в 09 часов 32 минуты по московскому времени неизвестная, позвонив в приемную Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, заявила о своей причастности к похищению заместителя Председателя ЦИК Загайнова И.А., захваченного в Грозном чеченскими боевиками, и сообщила о готовности обменять Загайнова на арестованного в Мурманске в марте 2003 года за организацию крупномасштабного теракта международного террориста, одного из лидеров террористической организации «Аль-Кайда» Ахмеда аль-Рубеи. По словам террористки, обмен должен состояться не позднее 5 августа. В противном случае террористка угрожает убить Загайнова, а видеозапись расправы над ним передать в российские электронные средства массовой информации. Получить ответ на предъявленный ультиматум и выяснить готовность российских властей обменять арестованного в Мурманске эмиссара «Аль-Кайды» на похищенного боевиками в Грозном заместителя Председателя ЦИК террористка планирует в 17.00 во время своего повторного звонка.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, поручаю вам руководство операцией по освобождению захваченного чеченскими боевиками заместителя Председателя ЦИК, включая ведение всех дальнейших переговоров с похитившими его террористами.

*Директор Федеральной службы безопасности
Российской Федерации
генерал-полковник Постников.*

Никогда прежде в большом и просторном помещении приемной Центризбиркома не было столь тесно. Три женщины-секретаря, зажатые со всех сторон набившимися в приемную незнакомыми мужчинами и принесенной ими аппаратурой, о назначении которой они даже не догадывались, испуганно застыли за своими рабочими столами. Сотрудники оперативно-технического отдела отряда «Вымпел», или управления «В» центра спецопераций ФСБ России, как именуется легендарное антитеррористическое подразделение в официальных документах, описывающих современную структуру Федеральной службы безопасности, сноровисто подключили к линиям связи аппаратуру прослушивания и пеленгации и тоже застыли в ожидании у своих терминалов. Сейчас они превратились в снайперов, отслеживающих врага. Только

оружием им служили специализированные процессоры и компьютерные программы, способные по телефонному звонку в считанные секунды проследить весь трафик соединения и определить место, где находится вызывающий абонент.

Помимо испуганно переглядывающихся между собой секретарей и следящих за показаниями специальной аппаратуры сотрудников технического отдела «Вымпела», в приемной ЦИК находились еще два человека. Они стояли в центре приемной, на узком пятачке паркетного пола, свободном от подсоединенных к телефонным, факсимильным, компьютерным линиям связи специальных приборов, расставленных вдоль стен столов и стульев с сидящими на них людьми. Появление в приемной ЦИК спецов технического отдела с соответствующей аппаратурой являлось первым этапом их совместно разработанной операции по освобождению похищенного чеченскими боевиками заместителя Председателя Центризбиркома. Один из них – генерал-майор Углов, поджарый жилистый мужчина с коротко подстриженными седыми волосами, вот уже четвертый год командующий отрядом «Вымпел», прибыл в Центризбирком, чтобы лично руководить операцией, разработанной вместе с давним коллегой и другом, начальником оперативного отдела управления «В» полковником Бондаревым, которому отводилась роль переговорщика с террористами.

У Бондарева накопился богатый опыт ведения подобных переговоров. Когда в марте текущего года исламские террористы-смертники вместе с бандой нанятых ими уголовников захватила в мурманском порту атомный ледокол «Россия», намереваясь взорвать его ядерный реактор, Бондарев добровольно вызвался вести переговоры с захватчиками судна. Добровольно сдавшись террористам в заложники, он сумел усыпить их бдительность, благодаря чему штурмовая группа «Вымпела» смогла освободить судно, спасти моряков и обезвредить террористов, не допустив взрыва реактора.

Организатором того чудовищного теракта, жертвами которого должны были стать сотни тысяч жителей Мурманска, российских и зарубежных моряков, являлся известный международный террорист и один из лидеров «Аль-Кайды» Ахмед аль-Рубеи, имеющий среди исламистов кличку Карающий Ахмед. После нескольких дней изнурительного и невероятно напряженного розыска по всей России бойцы «Вымпела» все же взяли главаря террористов на мурманском железнодорожном вокзале за два часа до подготовленного его шахидами ядерного взрыва. И ни командир «Вымпела» генерал Углов, ни начальник оперативного отдела полковник Бондарев, ни офицер, захвативший главаря террористов, капитан Овчинников не думали, что когда-либо еще столкнутся с Карающим Ахмедом. Но его последователи, как оказалось, не смирились с арестом Рубеи и спустя полгода организовали похищение заместителя Председателя Центризбиркома России, чтобы обменять его на своего лидера. Угрожая жестокой расправой над захваченным пленником, они пока диктовали свои условия российским властям, но и Углов, и Бондарев, потратившие шесть часов на разработку операции по освобождению заложника террористов, были уверены, что эта ситуация вскоре изменится.

За пять минут до назначенного террористкой срока Бондарев подсел к столу секретарши, которой предстояло начать разговор с похитительницей. Бондарев был ниже Углова, но шире его в плечах, а все без малого девяносто килограммов его массы составляли тугие узловатые мышцы, лишенные капли жира. Заслужив еще в молодости звание мастера спорта по самбо, Бондарев не бросил заниматься силовыми единоборствами, даже когда возглавил оперативный отдел «Вымпела», а на ежегодно проводящемся первенстве управления по рукопашному бою не раз побеждал более молодых офицеров. В отличие от Углова, он снял пиджак сразу, как только вошел в приемную Центризбиркома. По причине тесных воротничков рубашек, которые не сходились на его короткой мускулистой шее, полковник Бондарев редко надевал галстуки.

Женщина смотрела на Бондарева полными неподдельного ужаса глазами, хотя конкретно ей сейчас ничего не угрожало. Работая в приемной Центральной избирательной комиссии России, она отгородилась высоким положением своих регулярно мелькающих на телевизион-

ных экранах начальников от обычных людей, от их повседневных дел и забот, поэтому оказалась совершенно деморализованной, когда из того чужого и далекого мира через телефонную трубку в приемную ворвался враждебный голос: террористка объявила, что убьет похищенного зампреда Центризбиркома, если российское правительство не выполнит ее требований. Бондарев прекрасно понимал владевшее секретарем состояние, поэтому уже в который раз сказал ей:

– Успокойтесь. Наши сотрудники полностью контролируют ситуацию. Вам нужно будет только ответить на звонок похитителей и сразу передать трубку мне.

– Да-да, я знаю, – поспешно ответила женщина и, чтобы занять дрожащие от волнения руки, поправила воротник своей блузки.

Углов со своего места одобрительно наблюдал за Бондаревым, хотя перепуганная секретарша своими беспрестанными вздохами и паническими взглядами, которыми она то и дело обменивалась с двумя своими коллегами, порядком раздражала его.

Ровно в семнадцать ноль-ноль в приемной раздался звонок. Услышав его, все три секретаря разом затаили дыхание, а та, которой предстояло снять трубку, буквально подпрыгнула на стуле. Углов недовольно скрипнул зубами, а Бондарев ободряюще взглянул на женщину и указал рукой на исходящий трелями аппарат. Секретарь нашла в себе силы снять с аппарата телефонную трубку и даже произнести в нее дежурную фразу:

– Приемная Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Но после ответа прежде напряженное лицо женщины приобрело растерянное выражение, и она изменившимся голосом произнесла:

– Его сейчас нет на месте. Перезвоните позже... – Она перевела вопросительный взгляд на сидящего напротив нее офицера ФСБ, но, так и не получив от него ответа, сказала: – Где-нибудь часа через два.

Один из технических специалистов «Вымпела» тем временем вывел на экран своего переносного компьютера всю информацию о номере и местонахождении вышедшего на связь абонента и, перехватив требовательный взгляд Углова, отрицательно покачал головой. Получив ответ, собеседник отсоединился, и секретарша вернула трубку на место, но еще не успела отвести от аппарата руку, как телефон зазвонил во второй раз. Все еще находясь под впечатлением безобидного звонка, она легко сняла трубку и привычно ответила:

– Приемная Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

В следующую секунду ее лицо перекосила гримаса ужаса, и она, словно обжегшись, поспешно сунула трубку в вовремя подставленную руку полковника Бондарева. В тот же миг техник-оператор нажал на своем подключенном к телефонной линии интерфоне кнопку громкоговорящей связи, и приемную заполнил резкий женский голос:

– ...время истекло! Мы ждем ответа: готово ли российское правительство обменять нашего брата на своего руководителя ЦИК?!

– С вами говорит генерал Федеральной службы безопасности Борисов, – в ответ на истеричные возгласы террористки размеренно произнес в трубку Бондарев. – Правительством Российской Федерации я уполномочен вести все дальнейшие переговоры о судьбе находящегося у вас заложника. Но прежде чем сделать это, я должен убедиться, что вы те, за кого себя выдаете, и Илья Загайнов действительно находится у вас.

Он говорил абсолютно ровно. Но со своего места Бондареву было прекрасно видно, как постепенно мрачнеет лицо офицера технического отдела, отслеживающего на своем компьютере трафик соединения.

– Мы не блефуем! Или нам, чтобы вы убедились в реальности наших угроз, следует подбросить на один из российских блокпостов его голову?! – выкрикнула в ответ на требование Бондарева позвонившая террористка.

– Нет. Мне достаточно поговорить с Загайновым по телефону, – сказал Бондарев, продолжая наблюдать за офицером, пытающимся вычислить по трафику телефонной линии местонахождение террористки.

Специалист технического отдела в бешеном темпе щелкал пальцами по клавиатуре специализированного процессора, бросая быстрые взгляды на его экран. Тем временем в динамиках интерфона раздался щелчок, и вместо резкого голоса террористки в приемной зазвучал хорошо знакомый секретарям голос зампреда Центризбиркома:

– Я, Загайнов Илья Алексеевич, заместитель Председателя Центральной избирательной комиссии России. Меня похитили 1 августа...

Речь Загайнова внезапно оборвалась, и ее вновь сменил голос террористки:

– Убедились?! А теперь выбирайте, что вы хотите получить: своего чиновника живого и невредимого или его голову, нафаршированную его же собственными внутренностями?!

– Прекратите эту истерику и держите себя в руках, – обратился к террористке Бондарев. – Мы согласны на обмен. Когда и где он состоится?

– Через двое суток Ахмед аль-Рубеи должен находиться в Чечне! – быстро ответила террористка. – Дайте номер своего мобильного телефона, я позвоню и назову точное место передачи.

Бондарев на секунду задумался, но затем продиктовал похитительнице номер своего радиотелефона.

– И запомните: если вам дорога жизнь вашего чиновника, постарайтесь как можно точнее следовать моим указаниям! – напоследок предупредила Бондарева террористка и отключилась.

Едва в трубке послышались короткие гудки, полковник вскочил со стула и подбежал к офицеру, отслеживающему телефонный трафик. Генерал Углов уже стоял у него за спиной.

– Удалось определить, откуда был звонок?! – практически одновременно выпалили оба руководителя «Вымпела».

Но специалист технического отдела отрицательно покачал головой:

– Звонок шел через московский ретранслятор спутниковой связи. Она пользовалась спутниковым телефоном и могла находиться где угодно.

– А номер? – тут же спросил Углов. – Вы определили номер телефона, с которого был сделан звонок?

Офицер вновь покачал головой:

– Аппарат снабжен антиопределителем, поэтому узнать номер использованного спутникового терминала невозможно.

– Но хоть что-то об этой террористке вы выяснили?! – не скрывая своего раздражения, воскликнул Углов.

Офицер ткнул пальцем в экран своего монитора, указав на строку цифр:

– Частоту ее спутникового телефона. Аппараты, использующие для связи этот частотный диапазон, в России не продаются. Террористка явно привезла его из-за границы. Теперь, когда нам известна частота ее передатчика, можно попытаться запеленговать его при следующем сеансе связи.

– Если она вновь воспользуется этим же аппаратом, – заметил полковник Бондарев.

В этот момент резко распахнулась входная дверь, и в приемную из коридора стремительно вошел Председатель Центризбиркома Валерий Сушняков. Остановившись посреди приемной, где прежде стояли Углов с Бондаревым, он обвел взглядом всех присутствующих и в своей хорошо известной из телевизионных репортажей манере быстро заговорил:

– Террористы уже звонили? Они по-прежнему настаивают на обмене? Каково состояние Ильи Алексеевича? – задержав свой мечущийся взгляд на командире «Вымпела», Сушняков уточнил: – Вы разговаривали с ним? Что вы намерены предпринять для его освобождения?

– Операция по освобождению вашего заместителя только началась, поэтому сейчас рано давать какие-либо комментарии, – в тон Сушнякову так же быстро ответил генерал Углов. – Могу лишь сказать, что похитители пока не выдвинули никаких дополнительных требований. – Посчитав такой ответ исчерпывающим, Углов обратился к своим подчиненным: – Сворачивайте аппаратуру! Возвращаемся на базу! Сразу после возвращения все командиры оперативных подразделений ко мне на совещание!

Приемная ЦИК, где помимо обязательных секретарей появился еще и Председатель Центризбиркома, была далеко не лучшим местом для обсуждения служебных вопросов. И все офицеры «Вымпела» это прекрасно понимали, поэтому без лишних напоминаний принялись отсоединять и сворачивать аппаратуру.

7. ВЫНУЖДЕННАЯ ЗАДЕРЖКА

Ил-76 Центра спецопераций ФСБ России, 3 августа, 18.30

*Начальнику временного управления ФСБ
Чеченской Республики
полковнику Афанасьеву*

Для проведения спецоперации по освобождению находящегося в заложниках у террористов заместителя Председателя Центральной избирательной комиссии России Загайнова И.А. в Ханкалу направляется антитеррористическое подразделение управления «В» Центра спецопераций ФСБ РФ под командованием начальника управления генерал-майора Углова. Личный состав подразделения будет доставлен на военный аэродром Моздока специальным самолетом Ил-76 бортовой № 018 Центра спецопераций ФСБ РФ. Тем же рейсом в Моздок будет переправлен международный террорист, один из лидеров исламской террористической организации «Аль-Кайда» Ахмед аль-Рубеи. Для скорейшей переправки личного состава управления «В», а также находящегося под стражей международного террориста из Моздока в Ханкалу рекомендую задействовать вертолет военно-транспортной авиации, для чего заблаговременно свяжитесь с командованием Объединенной группировкой федеральных сил на Северном Кавказе. Соответствующее указание в штаб Объединенной группировки передано.

*Директор
Федеральной службы безопасности РФ
генерал-полковник Постников.*

Надсадный рев четырех авиационных турбин проникал через не имеющий звукоизолирующего покрытия фюзеляж в десантный отсек и, гулким эхом отражаясь от внутренней металлической обшивки, давил на барабанные перепонки. Самолет явно шел на снижение: к реву двигателей прибавились раскаты грома. Значит, транспортник уже опустился до уровня грозовых облаков, застилающих небо над Моздоком. Полковник Бондарев, сидящий рядом с генералом Угловым на передней скамье, сразу после кабины пилотов, повернул голову и оглянулся назад. В хвостовой части самолета, в грузовом отсеке, отделенном от десантного металлической переборкой, находился исламский террорист, освобождения которого добиваются его сообщники. Из-за близости турбин шум в транспортном отсеке еще больше. Зато, – Бондарев усмехнулся, – если самолет по какой-то причине потерпит аварию, то при аварийной посадке у Рубеи гораздо больше шансов остаться в живых, чем у летящих на том же самолете бойцов «Вымпела».

Самолет ухнул в воздушную яму, и Бондарев болезненно поморщился: не накаркать бы. Как и большинство людей, профессии которых связаны с риском для жизни, начальник оперативного отдела «Вымпела» был суеверен. Но вот самолет вынырнул из нависших над городом грозовых облаков и, заложив круг, пошел на посадку. С утробным гулом выдвинулись из брюха транспортника широкие шасси, и спустя несколько минут самолет резво побежал по бетону. В нарушение летных инструкций генерал Углов поднялся со своего места и выглянул в бортовой иллюминатор, на котором растекались капли дождя.

– Если до темноты гроза не прекратится, придется сидеть в Моздоке до утра, – недовольно заметил он и с еще большим раздражением закончил: – А времени на согласование действий с местными службами остается катастрофически мало.

Бондарев промолчал, так как справедливое замечание генерала не требовало ответа.

«Вымпел» готов был вылететь в Чечню еще утром. Но всю первую половину дня пришлось потратить на процедуру освобождения исламского террориста. Углов негодовал: выпускать из тюрьмы убийцу и международного террориста уже само по себе аморально и противозаконно, но мы закрываем на это глаза, зато требуем, чтобы прокурор изменил террористу меру пресечения в виде ареста на подписку о невыезде! Какой невыезд, если мы сами переправим его в Чечню?! Однако на Генеральную прокуратуру доводы командира «Вымпела» не произвели впечатления. И конвой, состоящий целиком из офицеров «Вымпела», забрал Ахмеда аль-Рубеи из следственного изолятора ФСБ только после оформления необходимых документов и соблюдения всех бюрократических формальностей. В результате стоящий наготове десантно-транспортный самолет вылетел в Моздок только в пятом часу вечера. И вот сейчас погода грозила окончательно сорвать график переброски антитеррористического подразделения и конвоируемого террориста в Чечню.

Свернув на рулежную дорожку, самолет наконец остановился на отведенном ему месте. Сейчас же распахнулись створки погрузочно-загрузочного люка. Все находящиеся на борту «вымпеловцы» обернулись к своему командиру.

– Часовые на поле. Остальным оставаться на месте, – распорядился Углов и, двигаясь между скамьями, на которых сидели его бойцы, направился к выходу.

С задних рядов поднялись двое офицеров, назначенные в караул еще перед вылетом из Москвы, и, опередив генерала, выбежали из самолета. Им, как и Углову, пришлось миновать транспортный отсек, где находились прикованный наручниками к скамье террорист и двое конвоирующих его офицеров. Весь двухчасовой перелет из Москвы Ахмед аль-Рубеи просидел молча, но, когда мимо проходил Углов, подал голос:

– Судя по вашему лицу, у вас что-то не клеится, генерал, – с издевкой произнес он по-русски.

В юности будущий лидер «Аль-Кайды» закончил четыре курса Московского инженерно-строительного института и достаточно хорошо изучил за это время русский язык, а приобретенные в институте инженерные знания впоследствии использовал при подготовке терактов. В результате спланированные им с учетом конструктивных особенностей зданий и прочих сооружений взрывы вызвали максимальные разрушения.

Проигнорировав обращенное к нему едкое замечание террориста, Углов по опущенной аппарели сбегал на летное поле моздокской военной базы. Часовые уже заняли положенные места у носовой части и хвоста самолета, а со стороны комплекса зданий аэродромных служб к приземлившемуся транспортнику бодро шагал невысокий человек в военной форме.

– Подполковник Еременко, замначальника УФСБ Чеченской Республики. Здравия желаю, товарищ генерал, – представился он, подойдя ближе.

– Углов, – ответил на приветствие командир «Вымпела» и крепко пожал встречающему руку. – Когда мы сможем вылететь в Чечню?

– Вертолет давно готов, – подполковник живо указал рукой на стоящий на летном поле транспортный вертолет Ми-26. – Но погода... – он тяжело вздохнул. – По прогнозам синоптиков, гроза затянется на полночи. А вертолет даже не оборудован аппаратурой для ночных полетов. Сами понимаете, транспортник. Боюсь, до рассвета вылететь никак не удастся. Можно, конечно, перебросить ваш отряд на машинах. Я на всякий случай договорился с командованием базы о выделении машин. Только риск большой. Ехать в сумерках, да еще в грозу. Запросто можно напороться на мину или засаду.

Углов задумался. Риск действительно был слишком большой и неоправданный.

– Вылет на рассвете! – распорядился генерал.

Услышав его слова, подполковник Еременко явно обрадовался.

– Вот и хорошо. Передохнете ночь, а утром со свежими силами за дело. Для ваших бойцов приготовлено место в казарме, – Еременко махнул рукой в сторону строений на краю лет-

ного поля, еле различимых за пеленой дождя. – А заключенного можно до утра поместить на аэродромной гауптвахте.

Но Углов в ответ отрицательно покачал головой:

– Он останется с нами, – и, обернувшись к открытым створкам погрузочного люка, громко крикнул: – Начальника конвоя ко мне!

– Начальника конвоя к командиру! – эхом прокатилось по десантному отсеку.

И через полминуты из самолета выбежал невысокий, но подтянутый и стройный офицер в таком же, как на генерале, зеленом камуфляже с четырьмя маленькими звездочками на матерчатых погонах.

– Капитан Овчинников, – представил офицера подполковнику из временного управления ФСБ Чечни генерал Углов и, обратившись к капитану, приказал: – Отведете заключенного в казарму. Подполковник вам покажет, – Углов указал на Еременко. – Там же до рассвета разместится наше подразделение. Место для содержания заключенного выберете сами. Главное, обеспечить его надежную охрану.

– Есть! – четко отрапортовал Овчинников и по аппарели бросился обратно в самолет.

Добежав до транспортного отсека, где содержался террорист, он обратился к двум сидящим напротив него на откидных сиденьях конвоирам:

– Сверчок, Ворон...

Те сейчас же поднялись со своих мест.

– Выводим его, – распорядился Овчинников, бросив короткий неприязненный взгляд на террориста.

Ахмед, напротив, задержал взгляд на лице вбежавшего в самолет капитана, и его губы искривились в холодной улыбке.

– Суетиш-шься? – сквозь зубы с шипением произнес он. – А когда брал меня в поезде, спокойнее был.

В марте того же года капитан Овчинников и эмиссар «Аль-Кайды» Ахмед аль-Рубеи сошлись в схватке в вагоне пассажирского поезда на мурманском вокзале. Террорист первым заметил разыскивающего его в поезде российского офицера и внезапно открыл по нему огонь. Тем не менее Овчинникову удалось обезоружить и захватить террориста. Позже он участвовал в освобождении захваченного боевиками Ахмеда российского атомного ледокола, получил ранение в схватке с фанатиком-шахидом, но, несмотря на это, за несколько минут до начала цепной реакции в ледокольном реакторе сумел предотвратить ядерный взрыв. Международный террорист и задержавший его российский офицер встретились вновь спустя пять месяцев, когда Овчинников во главе спецконвоя приехал за ним в следственный изолятор ФСБ. Ахмед никак не ожидал снова увидеть захватившего его офицера, но когда это случилось, глаза террориста вспыхнули мстительным огнем. Несмотря на заключение и длительные допросы, террорист вовсе не выглядел измученным и подавленным. В следственном изоляторе Овчинников увидел перед собой непримиримого врага, такого же коварного и опасного, как и во время их первой встречи на мурманском вокзале.

Не отвечая на реплику Ахмеда, Овчинников подождал, когда Сверчок и Ворон, они же лейтенант Сверкунов и старший лейтенант Воронин – офицеры его оперативно-боевой группы, назначенные вместе с ним в конвойную команду, отстегнули руки террориста от металлического каркаса авиационной скамьи. Потом Ворон, рослый офицер, на полголовы выше своего непосредственного начальника, с длинными мускулистыми руками, поставил террориста на ноги и завел его освобожденные руки за спину, а Сверчок молниеносным движением снова защелкнул на запястьях террориста наручники.

Сверкунов и Воронин уже успели послужить вместе, когда их включили в оперативно-боевую группу капитана Овчинникова. После освобождения захваченного террористами атомного ледокола в мурманском порту Овчинников стал в отряде настоящей живой

легендой, и все молодые бойцы «Вымпела», к числу которых относились и Воронин со Сверкуновым, считали большой удачей служить под его началом. Своего нового начальника они обожали и всячески старались заслужить его похвалу. Особенное рвение проявлял Сверкунов. Низкорослый, даже ниже самого Овчинникова, веселый, живой и энергичный, он ловил каждое слово командира группы и первым бросался выполнять его приказания, при этом своей поспешностью он нередко вызывал у Овчинникова улыбку. Правда, старший группы то и дело ловил себя на мысли, что в возрасте Сверкунова сам был таким же поспешным и невыдержанным и таким же честолюбивым. Воронин, флегматик по характеру, был более сдержан в своих эмоциях, взвешен и рассудителен. По мнению наблюдающего за ним Овчинникова, со временем из него должен был получиться отличный командир оперативно-боевой группы.

Как только заключенный оказался на ногах, Овчинников вынул из брючного кармана черную трикотажную шлем-маску и задом наперед натянул ее до подбородка на голову террориста, так что прорези для глаз и рта оказались у него на затылке. Ахмед отреагировал на его действия странным образом. Во всяком случае никто из конвоиров, включая Овчинникова, не ожидал услышать торжествующий смех террориста.

– Боиш-шься смотреть мне в глаза, капитан, – отсмеявшись, прошипел Ахмед сквозь ткань трикотажной маски. – А вот я все равно увижу твою смерть и услышу твой жалкий и трусливый вой. – Он запрокинул голову и жалобно заскулил. – Ау-у-у!

– Пошел, – сдерживаясь, чтобы не ударить террориста, выдохнул Овчинников и лишь слегка подтолкнул Ахмеда в спину.

Сверчок и Ворон с двух сторон ухватили его за локти и повели вниз по спущенной на бетонку аэродрома аппарели. Оказавшись на летном поле, Ахмед втянул носом насыщенный дождевой влагой воздух и с шумом выдохнул через рот. Спустившийся следом за ним капитан Овчинников недовольно поморщился. Террорист вел себя так, будто уже оказался на свободе, хотя, конечно же, не мог ничего знать ни об ультиматуме сообщников, ни о цели его перевозки. Подполковник из чеченского управления ФСБ с некоторой опаской покосился на выведенного из самолета террориста и, обратившись к Углову, шепотом спросил:

– Это он?

Вопрос был задан очень тихо, к тому же его заглушал шум дождя, и Овчинников решил, что Рубеи не мог его услышать. Тем не менее он живо повернул к встречающему подполковнику свое закрытое светонепроницаемой маской лицо. Овчинников же готов был поклясться, что в этот момент на лице террориста вновь появилась его зловещая улыбка. Генерал Углов тоже ощутил напряженность ситуации и, не ответив на вопрос Еременко, обратился к подполковнику:

– Мы займемся разгрузкой, а вы пока покажите моим офицерам дорогу.

Подполковник Еременко перевел взгляд с командира «Вымпела» на начальника конвоя и, вновь указав рукой на армейские казармы на краю летного поля, произнес:

– Нам туда.

Но Овчинников не двинулся с места:

– Идите вперед. Мы пойдем следом за вами.

Подполковник кивнул и, еще раз оглянувшись на выведенного из самолета террориста, зашагал по летному полю. Конвоиры, все так же держащие за руки заключенного, уже готовы были последовать за ним, но Овчинников остановил их:

– Сверчок.

Он жестом указал Сверкунову на его место слева и чуть впереди заключенного и, лишь когда тот переместился на указанную позицию, разрешил начать движение.

Ахмед шагал вперед без всякого принуждения. Ворону оставалось лишь направлять его в нужную сторону, слегка придерживая за локоть. Демонстративная покорность террориста насторожила Овчинникова, и он, чтобы предусмотреть возможные неожиданности, сдвинул

предохранитель на висящем на плече автомате. И вновь Ахмед каким-то невероятным образом услышал короткий щелчок предохранителя.

– Боиш-шься, что сбегу, капитан? – живо поинтересовался он. – Напрасно. Не вижу никакого смысла бежать, если вы и так обменяете меня на своего чиновника. Так что можешь снова поставить свой автомат на предохранитель, капитан.

При последних словах Ахмеда Сверкунов растерянно оглянулся на своего командира. А Овчинников, чтобы приободрить подчиненных и не показать террористу свое изумление его невероятной осведомленностью, строго сказал:

– Разговоры! Еще одно слово, Рубеи, и я прикажу заклеить вам рот.

Из-под маски на голове террориста послышался его язвительный смешок, после чего Ахмед прошептал:

– Скоро я сам вырву твой поганый язык.

В солдатской казарме, отведенной командованием военной базы бойцам «Вымпела», Овчинников вместе с подполковником Еременко обошел все помещения и приказал своим подчиненным освободить кладовку на втором этаже. Ворон и Сверчок, предварительно приковав заключенного наручниками к батарее отопления, сноровисто вынесли из кладовки деревянные швабры, сломанные солдатские тумбочки, табуретки и прочий хлам, стасканный в кладовку проживавшими в казарме солдатами. В освобожденной кладовке они установили застеленную матрасом железную солдатскую кровать, усадили на нее Ахмеда и вновь приковали его руку к металлической спинке. Лишь после этого Овчинников стащил с головы террориста трикотажную маску. Ахмед с презрением осмотрел помещение, в котором оказался, и, переведя взгляд на начальника конвоя, неожиданно спросил:

– Что, капитан, перелет в Ханкалу, похоже, задерживается?

Оба подчиненных взглянули на своего командира с выражением мистического ужаса на лицах. Но на этот раз Овчинников не нашелся что ответить террористу и молча захлопнул за ним дверь кладовки.

Через полчаса, когда остальные бойцы «Вымпела», перегрузив свое снаряжение в транспортный вертолет Ми-26, наконец разместились в казарме, он отыскал полковника Бондарева и обратился к нему.

– Товарищ полковник, я ничего не понимаю! Рубеи все известно! И о захвате зампреда ЦИК, и об ультиматуме, и даже о том, что мы, согласившись на обмен, везем его в Чечню!

Бондарев недоверчиво взглянул в глаза капитану. При всем стремлении начальника оперативного отдела поддерживать со всеми своими сотрудниками одинаково ровные отношения к Овчинникову Бондарев испытывал особое расположение.

– Не может быть. С чего ты взял?

– Он сам сказал, что мы намерены обменять его на правительственного чиновника, и назвал Ханкалу как конечную точку нашего маршрута! – быстро ответил Овчинников.

Бондарев облегченно перевел дыхание:

– Уже по одному тому, что мы внезапно забрали его из следственного изолятора и посадили в самолет, он понял, что готовится обмен. А уж если российское правительство согласилось на обмен лидера «Аль-Кайды», значит, в руках террористов оказался равноценный заложник. Рубеи не глупее нас с тобой и отлично понимает, что на попавшего в плен к боевикам простого солдата его бы обменивать не стали. Провести обмен боевикам легче всего в Чечне. А Ханкала – единственная наша база в Чечне, имеющая на своей территории аэродром. Но для приема крупных транспортных самолетов ханкалинский аэродром не приспособлен. Значит, должна быть промежуточная посадка. Так что все свои выводы Рубеи сделал самостоятельно. Но в логике ему, безусловно, не откажешь.

Овчинников облегченно усмехнулся:

– Действительно. А я уж вообразил невесть что. Да и Ворон со Сверчком... Извините, Воронин и Сверкунов после откровений Рубеи его чуть ли не колдуном считают. – Он поднял на начальника отдела ясные глаза и, испрашивая разрешение, поинтересовался: – Пойду парней успокою?

– Иди, – Бондарев по-отечески улыбнулся. – И ночную охрану этого бандита организуй так, чтобы ребята смогли отдохнуть. Завтра нам всем понадобится много сил.

8. ОПЕРАТИВНОЕ СОВЕЩАНИЕ

Военный аэродром Моздока, 4 августа, 09.15

Генерал Углов со злостью пнул оказавшийся у него на пути высохший стебель репейника, словно именно он являлся причиной затянувшейся задержки вылета. Вот уже полчаса генерал расхаживал по краю летного поля, нетерпеливо ожидая, когда военные авиадиспетчеры наконец разрешат вылет в Ханкалу. После отгремевшей ночью грозы небо над Моздоком прояснилось, и самолет Центра спецопераций ФСБ, доставивший подразделения «Вымпела» в Моздок, вылетел в Москву еще на рассвете. Но над центральной частью Чечни, в том числе над Грозным и Ханкалой, после ночной грозы навис густой туман. И армейские авиадиспетчеры запретили в этой части республики все полеты. После недавних катастроф российских вертолетов на Кавказе они были чрезвычайно строги и на все запросы командира экипажа выделенного «Вымпелу» транспортного вертолета отвечали категорическим отказом.

Увидев, что со стороны пункта управления полетами к нему направляется подполковник Еременко, Углов резко обернулся и раздраженно спросил у подошедшего офицера:

– Сколько еще это может продолжаться?!

– По прогнозам синоптиков, до обеда туман должен рассеяться, – радостным голосом сообщил Еременко.

– Когда конкретно: к десяти часам, к одиннадцати или, может, к двенадцати?! – воскликнул Углов. – Нам каждая минута дорога! Похитители могут позвонить в любой момент!

Вместо ответа Еременко лишь виновато пожал плечами.

Разрешение на вылет удалось получить лишь в десять тридцать. Через пятнадцать минут все бойцы «Вымпела», а также направленный в Моздок для их встречи подполковник Еременко уже находились в вертолете. Последними на борт «Ми-26» поднялись конвоиры, доставившие заключенного. Перед выводом из кладовки, превращенной на ночь в арестантскую камеру, капитан Овчинников вновь надел на голову террориста трикотажную маску. Но Ахмеда эта процедура несколько не смутила. Появление Овчинникова с маской в руках террорист встретил торжествующей улыбкой, однако, помня об угрозе капитана заклеить ему рот, до момента посадки в вертолет не произнес ни слова.

Перелет из Моздока в Ханкалу занял час с небольшим.

На ханкалинском военном аэродроме Углов назначил одного из офицеров своего отряда командовать разгрузкой, а встречающим своих московских коллег офицерам временного управления ФСБ Чеченской Республики предложил, не теряя времени, уточнить детали предстоящей спецоперации по освобождению зампреда Центризбиркома и выработать единый план совместных действий.

– Где мы здесь можем поговорить? – обратился Углов к присутствующему среди встречающих офицеров полковнику Афанасьеву.

– В отделе военной контрразведки, – живо нашелся начальник временного управления ФСБ.

Отдел военной контрразведки ханкалинской военной базы располагался в одноэтажном щитовом деревянном бараке среди таких же однотипных барakov, выстроенных недалеко от аэродрома. Вслед за Афанасьевым Углов в сопровождении Бондарева вошел в достаточно просторный светлый кабинет с двумя установленными буквой «Г» столами: заглавным письменным и более длинным приставным. По праву руководителя операции и старшего по званию Углов занял письменный стол, остальные, включая хозяина кабинета – сухощавого майора с морщинистым лицом, расселись за приставным столом. Майор военной контрразведки, в

кабинете которого полковник Афанасьев предложил провести совещание, сейчас же расстелил перед Угловым крупномасштабную карту Чечни с многочисленными пометками. Командир «Вымпела» кивком головы поблагодарил предусмотрительного майора и обратился к начальнику временного управления ФСБ.

– Что вами сделано за истекшие сутки? Каковы результаты розыска?

– Если вас интересует, удалось ли нам установить место, где похитители держат Загайнова, то скажу сразу: не удалось! – поднявшись со своего места, с явным вызовом ответил полковник Афанасьев.

Глаза Углова грозно блеснули. Но пока он подбирал слова, адекватные резкому ответу начальника временного управления ФСБ, его опередил полковник Бондарев:

– Георгий Максимович, – обратился он к Афанасьеву по имени отчеству. – То, что проведение операции поручено нашему подразделению, это не показатель недоверия, а тем более недовольства вами и вашими сотрудниками. Просто бойцы нашего отряда лучше подготовлены к подобным операциям: освобождению удерживаемых заложников и прямым схваткам с террористами. С вас, разумеется, никто не снимает ответственность за похищение Загайнова. Организация охраны зампреда Центризбиркома во время его командировки в Чечню поручалась вам. Однако розыск похищенного зам Председателя ЦИК вы организовали вполне грамотно. А что не удалось обнаружить место, где его прячут террористы, так мы с вами профессионалы и оба понимаем, что за столь короткий срок сделать это было практически невозможно. Поэтому, ради дела, оставьте обиды и расскажите нам, что вам удалось установить.

После этой речи Бондарева Афанасьев явно смутился, однако быстро взял себя в руки и заговорил уже спокойным, деловым тоном:

– Вчера, примерно в шестнадцать часов, поисковой группой управления внутренних дел, имеющей в своем составе кинолога со служебно-розыскной собакой, при осмотре подвала покинутого жителями полуразрушенного здания обнаружен обнаженный женский труп, присыпанный землей и обломками обвалившейся штукатурки. Позднее была установлена личность погибшей. Это Оксана Барышева, собственный корреспондент газеты «Вестник Ставрополя», аккредитационным удостоверением которой воспользовалась пробравшаяся на пресс-конференцию террористка. Примечательно, что труп Барышевой находился в подвале дома, расположенного всего в трех кварталах от комплекса правительственных зданий. Видимо, на нее напали, когда она, зарегистрировавшись в правительственном пресс-центре, направлялась в гостиницу. Убийцы забрали ее документы, одежду и личные вещи, а тело журналистки спрятали в подвале пустующего дома. Аккредитацию Барышева прошла за два дня до состоявшейся пресс-конференции Загайнова. Эта дата как раз совпадает со временем ее смерти.

– Как она была убита? – поинтересовался генерал Углов.

Афанасьев взглянул на пожилого подполковника, самого старшего по возрасту мужчину из всех присутствующих на совещании, и тот тут же поднялся из-за стола.

– Подполковник Каменев, начальник следственного отдела, – с достоинством представился он, после чего ответил на вопрос Углова: – Женщину задушили. Тело пролежало в земле шесть суток, тем не менее на шее жертвы сохранился отчетливый след от удавки. Других прижизненных повреждений эксперты не обнаружили.

– Ясно, – кивком головы Углов поблагодарил начальника следственного отдела и вновь обратился к Афанасьеву: – Продолжайте.

– Установлена также личность одного из террористов, – сообщил тот. – Боевик, застреленный возле пресс-центра, это Руслан Гичаев, девятнадцати лет, житель небольшого села Ажой Урус-Мартановского района Чечни. Никакими сведениями о принадлежности Руслана Гичаева к боевикам до его участия в похищении Загайнова мы не располагали. Однако Урус-Мартановский район – это зона действий банды Хамида Ахмадова. Не исключено, что и другие участники похищения тоже из банды Ахмадова.

– Кто этот Ахмадов? – вновь поинтересовался Углов.

На этот раз Афанасьев предпочел ответить сам:

– Ахмадов личность не менее одиозная, чем командовавшая похитителями Фатима Хундамова. В прошлом сотрудник национальной безопасности Ичкерии, бригадный генерал, входивший в ближайшее окружение Дудаева, а затем Хаттаба. В штабе Хаттаба руководил его контрразведкой. После смерти своего уже второго предводителя пытается установить самостоятельные контакты с лидерами международных исламских организаций, оказывающих финансовую поддержку боевикам. Циничный палач, каких мало. По имеющимся у нас, пока не подтвержденным, оперативным данным, Ахмадов организатор расправ над жителями нескольких сел, – отказывавшиеся помогать боевикам чеченцы вырезались целыми семьями. То, что Хундамова впоследствии использовала эти случаи в своих репортажах для обвинения российских войск в массовых убийствах мирных чеченцев, косвенно подтверждает факт ее давнего знакомства с Ахмадовым. Мы ориентировали нашу агентуру на получение свежих сведений об отряде Ахмадова. Прежде всего о появлении в его отряде новых пленников. Но с этого момента прошли всего сутки, и ответа пока нет, – закончил свой доклад полковник Афанасьев.

– А вы не устраивали обысков в селах и усадьбах, где ранее уже появлялся Ахмадов или его бандиты? – спросил Углов.

– Не имея точных сведений о том, где содержится Загайнов, я посчитал проведение подобных облав преждевременным и, более того, опасным для жизни заложника, – ответил Афанасьев.

В кабинете установилась тишина, ее нарушил своим вкрадчивым замечанием полковник Бондарев.

– Разумно, – произнес он и тоже повернулся к Углову.

Тогда генерал иронично улыбнулся и сказал:

– Можете сесть, Георгий Максимович. – Когда Афанасьев опустил на свое место, он обвел взглядом присутствующих и добавил: – Приятно видеть, что управление Федеральной безопасности Чечни возглавляет не показушник, а по-настоящему грамотный и сообразительный офицер... А теперь к деталям предстоящей операции! – Углов резко поднялся из-за стола. – Как вам известно, похитившие зампреда Центризбиркома боевики потребовали обмена его на арестованного в марте и находящегося под следствием международного террориста Ахмеда аль-Рубеи. Похитителям нет смысла тянуть с обменом. Поэтому мы считаем, они предложат обменять заложника на своего лидера уже сегодня. Раз похитители из отряда Ахмадова, то и место обмена они выберут, скорее всего, где-то в районе действий своей банды, то есть в Урус-Мартановском районе. – Углов вновь взглянул на полковника Афанасьева и добавил: – Установив личность одного из террористов, вы нам существенно облегчили задачу... Как только похитители назовут место предстоящего обмена, в указанный район выдвинутся группы наших разведчиков. Если будет достаточный запас времени, они обнаружат террористов и доставленного к месту обмена заложника. Как только это произойдет, район, где будут замечены террористы, скрытно блокируется подразделениями армейского спецназа. Таким образом, похитители уже не смогут вырваться из кольца оцепления. Разведчикам же дано указание действовать по обстоятельствам. Поэтому, если ситуация сложится удачно, похитители будут обезврежены, а их заложник освобожден еще до того, как конвой с арестованным террористом прибудет к месту обмена, – с улыбкой закончил командир «Вымпела».

– Разрешите, товарищ генерал? – подал голос со своего места моложавый подполковник, представляющий отдел военной разведки и координирующий в предстоящей операции действия армейского спецназа, и после кивка Углова продолжил: – А вы уверены, что ваши бойцы сумеют обнаружить боевиков, имеющих многолетний опыт маскировки в чеченской «зеленке»?

Понимая, что заданный вопрос нельзя оставлять без развернутого ответа, командир отряда активно вступил в дискуссию:

– Все наши бойцы, задействованные в предстоящей операции, прошли через Чечню. Многие бывали здесь неоднократно. Они хорошо знакомы и с особенностями здешней местности, включая пресловутую «зеленку», и со способами маскировки боевиков.

Обсуждение предстоящей операции продолжалось еще около часа. Когда наконец все детали были согласованы, Углов объявил совещание закрытым. Сразу после этого он направился на аэродром, чтобы узнать, как прошла разгрузка. На выходе из барака, где располагался отдел военной контрразведки, его придержал за локоть полковник Бондарев и в принятой ими при общении друг с другом манере обратился к генералу:

– Володь. Уже третий час, – он постучал указательным пальцем по циферблату своих наручных часов, – а они все не звонят.

9. ОЖИДАНИЕ

Ханкала, 4 августа, 16.05

Первый звонок прозвучал из антитеррористического департамента ФСБ. К пустующему авиационному ангару, где со своим снаряжением расположились бойцы «Вымпела», подбежал запыхавшийся подполковник Еременко и, отыскав генерала Углова, сообщил, что его вызывает к телефону начальник департамента.

– Началось, – на ходу бросил Углов Бондареву, направляясь следом за Еременко к отделу контрразведки.

Генерал Углов вошел в уже знакомый ему кабинет начальника отдела военной контрразведки и увидел у аппарата ВЧ майора-контрразведчика и полковника Афанасьева. Майор сейчас же протянул ему телефонную трубку, а Афанасьев тактично отошел в сторону. Углов поднес трубку ко рту, отчетливо произнес:

– Слушаю, товарищ генерал-лейтенант.

– Углов! Почему не докладываете о ходе операции?! Что у вас происходит?! – раздался в ответ нетерпеливый голос начальника антитеррористического департамента.

– Всем задействованным в операции оперативно-боевым группам и приданным подразделениям поставлены соответствующие задачи. Командиры и личный состав проинструктированы. Налажено взаимодействие с командованием армейской группировки и местными органами госбезопасности, – терпеливо объяснил Углов. Он хотел добавить, что Урус-Мартановский район Чечни определен как наиболее вероятное место нахождения похитителей и их заложника, но в последний момент решил этого не делать и закончил: – В настоящий момент мы ждем звонка террористов с условиями обмена.

Доклад о принятых мерах и особенно выдержанный тон командира «Вымпела» в какой-то мере успокоили начальника департамента.

– Хорошо, – немного помедлив, ответил он. – Держите ситуацию под контролем. Но как только похитители дадут о себе знать, немедленно сообщите мне! И вообще, обо всех изменениях обстановки докладывайте каждый час. Меня тут уже с утра одолевают расспросами о ходе операции по освобождению Загайнова, – неожиданно признался он. – Уже откуда только ни звонили: и из правительства, и из ЦИК. Не подведи меня, Углов, – добавил начальник департамента и отключился.

– Нервничает Москва? – с сочувствием поинтересовался полковник Афанасьев, когда Углов опустил трубку на аппарат.

– То ли еще будет, – со вздохом ответил генерал. И оказался прав.

Не прошло и пятнадцати минут, как аппарат ВЧ в кабинете начальника отдела военной контрразведки зазвонил вновь. На этот раз на линии оказался сам директор ФСБ генерал-полковник Постников:

– Доложите о готовности операции! – потребовал он, когда вызванный по его приказу генерал Углов взял телефонную трубку.

– Разведгруппы и подразделения оцепления готовы в любой момент выдвинуться в указанный террористами район обмена. Как только похитители выйдут на связь, представленный вам оперативный план будет введен в действие, – так же терпеливо, как он до этого разговаривал со своим непосредственным начальником, ответил директору ФСБ Углов.

– Но почему похитители до сих пор не дали о себе знать?! – задал новый вопрос Постников.

Углов отчетливо представил, что этот и подобные ему другие вопросы директору ФСБ наверняка задают и секретарь совбеза, и Председатель ЦИК, и премьер, а возможно, и сам президент. После звонка террористки в приемную ЦИК о ведущихся с террористами перегово-

ворах и предстоящем обмене одного из лидеров международных террористов на похищенного в Чечне заместителя Председателя Центризбиркома мгновенно стало известно и в Центральной избирательной комиссии, и в Аппарате правительства, и в Администрации Президента. Руководители этих сугубо гражданских структур, не имея ни малейшего понятия о тактике проведения операций по освобождению захваченных террористами заложников, тем не менее осаждали руководство антитеррористической операции своими рекомендациями и пожеланиями, причем не стеснялись требовать выполнения подчас нелогичных, бессмысленных и противоречивых требований.

– Причины молчания похитителей могут быть самые различные. Их предводительнице, потерявшей в результате нападения на пресс-центр двух своих боевиков, необходимо подобрать новых людей, выбрать и подготовить место обмена, скрытно перевезти туда заложника. Все это требует времени. Возможны и другие причины задержки, которые я не назвал, – не вдаваясь в пространные рассуждения, ответил Углов. – Но террористы все равно выйдут на связь, иначе осуществленный ими захват заложника и последующий ультиматум лишаются всякого смысла.

Твердая убежденность командира «Вымпела» в скором контакте с похитителями обнадежила директора ФСБ, и он сказал:

– Я надеюсь на вас, генерал. Но, как только похитители выйдут с вами на связь, немедленно свяжитесь со мной, напрямую. Я буду ждать у аппарата. Вы поняли меня, генерал?

– Так точно, товарищ генерал-полковник.

Директор отключился. Руководитель временного управления ФСБ Чечни и начальник отдела военной контрразведки вопросительно уставились на него, но Углов, так ничего и не ответив им, молча опустил на стул рядом с аппаратом ВЧ-связи.

Обеспокоенный длительным отсутствием Углова, спустя полчаса в кабинет начальника отдела контрразведки заглянул полковник Бондарев. Увидев генерала сидящим возле аппарата ВЧ-связи, Бондарев понимающе усмехнулся и, почти в точности повторив слова Афанасьева, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.